В.А. Ильиных, В.Б. Лапердин**

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1932/33 г. В СОВХОЗАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ

В статье осуществлена реконструкция хода хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в совхозах Западно-Сибирского края. Совхозы должны были продемонстрировать преимущества крупного механизированного сельского хозяйства. Возлагаемые на них надежды не оправдались. Несмотря на административный нажим и репрессии, первоначальный годовой план хлебосдачи в государственном секторе аграрной экономики края был выполнен лишь на 86%. Причинами срыва заготовительного задания стали низкий уровень организации производства, несоблюдение норм агротехники, дефицит рабочей силы и техники. Систематическое невыполнение планов хлебозаготовок было характерно для совхозов и других регионов страны. Программа совхозного строительства была свернута.

Ключевые слова: аграрная политика, зерновая проблема, хлебозаготовки, совхозы, Сибирь

Grain procurement campaign of 1931–1932 in West Siberian region.
VLADIMIR A. ILINYKH, VYACHESLAV B. LAPERDIN (Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

The authors reconstruct the course of grain procurement campaign of 1932–1933 in the state farms of West Siberian region. The analysis provides an opportunity: to determine the basic features of agricultural and procurement policy of Soviet state in the early 1930s; to show the specifics of functioning of agriculture at the first stage of the socialist modernization and to identify the basic methods of managing Stalinist mobilization economy. The state farms were to demonstrate the advantages of large-scale mechanized agriculture, however hopes placed on them were not equaled. Despite the administrative pressure and repressions, the annual grain procurement plan in state sector of agrarian economy of West Siberian region was fulfilled only by 86%. Among the reasons of the failure were the low level of production organization, non-compliance with the norms of agricultural technology, shortage of labor and equipment. Grain in the fields and on the way to pour out points was plundered. Systematic non-fulfillment of grain procurement plans was also typical for state farms in other Soviet regions. The cost of grain production on state farms was much higher than on collective farms. Hence, the program of state farm construction was curtailed.

Keywords: agricultural policy, grain problem, grain procurement, sovkhos, Siberia

* ИЛЬИНЫХ Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: agro_iwa@mail.ru

ЛАПЕРДИН Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: laperdin2011@mail.ru

© Ильиных В.А., Лапердин В.Б., 2018

Составной частью программы социалистической модернизации сельского хозяйства в СССР являлось совхозное строительство. Совхозы должны были превратиться в высокомеханизированные образцовые крупные хозяйства «социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества обобщественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств. Признавалось необходимым ускоренное развитие прежде всего зерновых совхозов, которые должны были внести существенный вклад в разрешение обострившейся зерновой проблемы. В качестве составной части ее решения рассматривалось не только увеличение зернового производства, но и рост его товарности, зримым показателем которого должно было стать увеличение объемов централизованных хлебозаготовок.

Заготовки – сегмент хлебооборота, в рамках которого осуществляется отчуждение продукции зернового производства для последующего распределения между потребителями. Под централизованными заготовками понимается изъятие зерна у производителей и его передача в централизованный общегосударственный фонд. В СССР ежегодное проведение хлебозаготовок традиционно приобретало характер хозяйственно-политических кампаний.

При изучении заготовительных кампаний начала 1930-х гг. исследователи основное внимание уделяли освещению хлебозаготовок в колхозах [2; 4; 5; 8]. Общая оценка заготовок в совхозном секторе экономики в начале 1930-х гг. дана В.В. Кондрашиным [6, с. 70–72, 136–137]. Задача настоящей работы состоит в детальной, близкой к хроникальной, аналитической реконструкции хода хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в совхозах Западно-Сибирского края. Подобный анализ позволяет определить базовые особенности аграрной и заготовительной политики советского государства в начале 1930-х гг., предметно показать отличительные черты функционирования сельского хозяйства страны на первом этапе его «социалистической» модернизации, выявить основные методы управления сталинской мобилизационной экономики. Западно-Сибирский край относился к основным зернопроизводящим регионам страны и отличался интенсивным совхозным строительством.

В конце 1929 – 1930 г. в Сибири развернулось строительство крупных специализированных

совхозов. Удельный вес совхозов всех систем в посевах зерновых на территории Западно-Сибирского края увеличился с 1,6% в 1929 г. до 3,6% в 1930 г. В 1930/31 заготовительном году они сдали государству 4,2 млн пуд. хлеба, что составило 5,7% от общего объема централизованных хлебозаготовок в крае. Таким образом, товарность зернового производства в совхозах была выше, чем в колхозах и у единоличников. Однако от «зерновых фабрик» государство ожидало большего. Годовое заготовительное задание по совхозному сектору аграрной экономики было выполнено лишь на 60% [11, с. 256; 9, с. 17, 246].

В 1931 г. интенсивное совхозное строительство продолжалось. Посевы зерновых в совхозах края увеличились в 3,7 раза, а их доля в общей посевной площади достигла 11,1% [11, с. 256]. Ситуация в зерновом хозяйстве резко осложнилась летом 1931 г. в связи с сильной засухой, поразившей основные хлебопроизводящие районы Западной Сибири. Урожайность зерновых в целом по краю по состоянию на 1 сентября была определена краевой экспертной комиссией в 5 ц/га. Предполагаемый сбор в колхозах составлял 4,6 ц/га, в совхозах – 4,5 ц/га, в единоличных хозяйствах – 6,2 ц/га. Более низкая урожайность в совхозах объяснялась тем, что в засушливых районах располагались наиболее крупные зерносовхозы, на долю которых приходилось 50% посевов краевого Зернотреста. Реальный урожай оказался еще ниже [1, с. 493].

Зерна в Западно-Сибирском крае собрали, по официальным данным, на 41% меньше, чем в предыдущем году [11, с. 270]. Однако центральное руководство страны игнорировало информацию о масштабах недорода. Регион получил на 1931/32 г. хлебозаготовительное задание, превосходящее фактически заготовки 1930/31 г. на 5%, а совхозы – на 96%. Естественно, что календарные заготовительные планы не выполнялись. На конец октября совхозы сдали государству всего 3 млн пуд. хлеба (Государственный архив Новосибирской области, далее – ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 21об.; Оп. 5. Д. 530. Л. 3).

Руководство края настаивало на уменьшении заготовительного задания. Центр пошел на это не сразу. Лишь 15 ноября 1931 г. Наркомат снабжения СССР утвердил снижение плана по совхозам Западно-Сибирского края с 8,2 млн до 5 млн пуд. (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 150. Л. 226). Сниженный план был фактически выполнен.

Хлебосдача совхозов Западно-Сибирского края в 1931/32 г. составила 4994 тыс. пуд. [9, с. 246].

Краевые власти основным фактором относительной неудачи совхозов в сфере хлебозаготовок в 1931/32 г. считали недород. Хлебосдача в следующем году должна была доказать преимущества совхозного сектора экономики над колхозным. Весенний сев 1932 г. прошел достаточно успешно. Посев зерновых в совхозах Западно-Сибирского края по сравнению с предыдущим годом увеличился на 31%. В колхозах прирост посевов зерновых составил лишь 0,5%, что стало следствием недорода 1931 г. и сверхнормативного изъятия хлеба в ходе заготовительной кампании. В единоличных хозяйствах площадь посева снизилась на 71%, а во всех категориях хозяйств в целом – на 15%. В итоге удельный вес государственного сектора аграрной экономики в посеве зерновых в 1932 г. в крае увеличился до 17,2% [11, с. 256].

Достижения государственного сектора экономики определялись более высоким уровнем обеспечения совхозов материально-техническими ресурсами. Сверхнормативное изъятие хлеба в ходе заготовительной кампании 1931/32 г. оставило многие колхозы без семян. Меры государства, направленные на их снабжение семенным материалом накануне посевной кампании, не смогли в полной мере возместить дефицит. Бескормица привела к сокращению поголовья рабочих лошадей. Наличная тягловая сила была истощена [1, с. 494–496]. Совхозы недостатка в семенном материале не испытывали. Значительная часть сельхозработ в них была механизирована.

В колхозах не хватало трудовых ресурсов. Следствием голода стало массовое бегство колхозников из деревни. Текучесть кадров постоянных работников в совхозах также была значительной. Однако во время массовых полевых работ совхозы широко прибегали к найму сезонных рабочих. Поскольку их заработная плата была относительно высокой, особенно на фоне оплаты труда колхозников, желающих работать на совхозных полях было достаточно.

Лето 1932 г. в ряде районов Западной Сибири было засушливым, но масштабы неурожая в целом по региону не стали столь катастрофичными, как в предыдущем году. Сбор хлеба увеличился, но урожайность зерновых оставалась низкой. С 1 га зерновых в Западно-Сибирском крае во всех категориях хозяйств, по опубликованным в официальном статистическом сборнике сведениям, собрали 7 ц, в совхозах всех

систем – 7,1, в колхозах – 6,7 ц [11, с. 269]. Однако эти данные были завышены.

Утвержденный бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) годовой план хлебосдачи совхозами, включая возврат полученных в предыдущие годы натуральных ссуд, составлял 16,2 млн пуд. В колхозно-крестьянском секторе планировалось заготовить 70,2 млн пуд. «Главную массу хлеба» надлежало сдать в течение августа-октября, выполнить годовое задание по совхозам – до 15 декабря, а полностью рассчитаться с государством по всем секторам – до 1 января 1933 г. (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 55–55об., 177об.).

Совхозы вновь не оправдали возлагаемых на них надежд. С самого начала кампании 1932/33 г. они имели наиболее низкие показатели выполнения календарных заготовительных планов. В августе месячное задание было выполнено на 60,7% [14]. 16 сентября бюро крайкома ВКП(б), рассмотрев ход хлебозаготовок, отметило «совершенно неудовлетворительное поступление хлеба от совхозов» и обязало директора Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголина «принять исчерпывающие меры, гарантирующие полное выполнение принятого задания на сентябрь» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 354. Л. 71). Решение бюро крайкома выполнено не было. Совхозы, получившие месячное задание в 3 млн пуд., смогли сдать не многим более 2 млн пуд. (66% месячного задания) [13]. В октябре наиболее отстающим сектором по-прежнему оставались совхозы – 68% месячного задания и 33,7% годового. Выполнение годового плана колхозами составляло 51,5%, единоличниками – 91% (табл. 1) [12]. Пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 1 ноября 1932 г. обязал директоров совхозов «в кратчайший срок ликвидировать прорыв и обеспечить выполнение годового плана к установленному сроку». Райкомы в свою очередь обязывались оказать помощь зерносовхозам в обмолоте и вывозе хлеба (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 125).

Аналогичная ситуация складывалась и в других зернопроизводящих регионах страны [6, с. 136]. 4 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от региональных властей и Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР добиться увеличения темпов хлебосдачи в совхозах [3, с. 261]. 11 ноября при Западно-Сибирском крайкоме ВКП(б) состоялось совещание с участием всех директоров зерносовхозов. 15 ноября вопрос о хлебозаготовках в зерносовхозах обсудило бюро крайкома (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 136).

Таблица 1

**Итоги централизованных хлебозаготовок
в Западно-Сибирском крае в 1932/33 г. по секторам**

Дата	Совхозы	Колхозы	Единоличники	Итого
Заготовлено, тыс. пуд				
на 31.08	275	1221	76	1571
на 30.09	2348	12245	2449	17041
на 31.10	5458	33025	5556	44039
на 30.11	7603	53988	6362	67954
на 31.12	10505	63012	6637	80154
на 31.01	13213	70394		83607
на 30.06	13889	64371	6612	84872
Выполнение годового плана, %				
на 31.08	1,7	1,9	1,6	1,8
на 30.09	14,5	18,7	51,0	19,7
на 31.10	33,7	51,5	91,0	51,0
на 30.11	47,0	84,2	104,2	78,7
на 31.12	67,0	103,0	102,1	96,1
на 31.01	89,3	104,0		101,3
на 30.06	93,9	103,4	107,7	102,0

Источники: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2 Д. 524. Л. 11; [9, с. 246]. *Примечания:* 1) На 30.06 приводятся итоговые данные Управления уполномоченного Комитета заготовок СНК СССР по Западно-Сибирскому краю, остальные сведения – по оперативным данным крайуполкомзага. 2) В апреле в единоличном секторе заготовили 610 пуд. В том же месяце было возвращено единоличникам 3,1 тыс. пуд. незаконно изъятого хлеба. 3) Показатели выполнения годового плана рассчитаны от действующего на указанную дату его варианта. 4) В таблице не приведены данные о сборе гарнца, взимаемого с мельпредприятий.

Основной причиной заготовительных затруднений, возникших в совхозах региона и страны в целом, являлась низкая урожайность, которая, в свою очередь, стала следствием полного забвения агротехнических основ земледелия. Для совхозного, как, впрочем, и для колхозного полеводства была характерна плохая обработка почвы. Ставшее правилом, а не исключением затягивание весенних посевных работ приводило к вымерзанию посевов и позднему созреванию хлебов. Качество семян было низким, посев велся с огрехами, нормы высева

занижались, удобрения фактически не вносились, севообороты не соблюдались. В основанных на целинных землях специализированных зерносовхозах начать внедрение севооборотов планировалось лишь через несколько лет после начала обработки почвы. В итоге пшеница, фактически являвшаяся в совхозах монокультурой, сеялась по пшенице из года в год. Поля засорялись. Результатом подобной агротехники являлись редкие всходы, забиваемые сорняками. Директор Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголин в одном из совхозов увидел

«картину поля, где среди громадных зарослей сорняков, особенно полевого осота, совершенно жалкую картину представляло собой культурное растение – пшеница» [16, с. 15].

Нарком земледелия Я.А. Яковлев также отмечал «скверное качество обработки земли» в совхозах: «У нас в совхозах оказалось немало паров, в сводках зачисленных, в действительности же представлявших собой к моменту посева степь, бурно заросшую дикими травами, притом степь всю в кочках и глубоких рытвинах. У нас немало оказалось зяби, представляющей собой поднятые и перевернутые глыбы земли, даже не продискованные» [17, с. 2].

Директора совхозов связывали затягивание хлебосдачи с нехваткой техники и рабочих рук. Дефицит техники стал следствием отставания ее поставок в хозяйства от темпов наращивания посевных площадей. В Западно-Сибирском крае число зерносовхозов увеличилось в 1932 г. по сравнению с предыдущим годом почти в 2 раза (с 14 до 26), а количество комбайнов – лишь в 1,5 раза. Доля зерновых культур, убранных комбайнами, снизилась в зерносовхозах края с 49% в 1931 г. до 16% в 1932 г. [11, с. 762, 764]. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе в письме от 1 декабря 1932 г. сообщал И.В. Сталину: «Весь план работы совхозов был построен в основном на уборке комбайнами; и когда из-за отсутствия тракторов и комбайнов уборка прошла простейшими машинами и теперь совхозам приходится обмолачивать урожай с сотен тысяч га, то создается чрезвычайно тяжелая обстановка. Молотилок не хватает, колхозников привлечь на работу можно только с величайшими затруднениями» [3, с. 239]. Автомашин для вывоза зерна из совхозов также не хватало. В то же время возможность мобилизации для этих целей рабочей и мужской силы в колхозах была затруднена, поскольку многие из них также продолжали обмолот и вывоз зерна на заготовительные пункты.

Связанное с нехваткой техники и рабочей силы затягивание уборки и обмолота привело к резкому увеличению потерь урожая. Длительный перестой хлебов вызвал самоосыпание зерна. Амбарный урожай в итоге существенно уступал и без того низкому урожаю на корню. Проверившая деятельность Ададымского зерносовхоза комиссия установила, что если до выпадения снега в середине октября 1932 г. при обмолоте выход зерна на 1 га составлял в среднем 6,3 ц, то в конце декабря – только 3,6 ц.

В Крутойрском зерносовхозе выход хлеба снизился с 6 до 4,7 ц/га. Высокие потери наблюдались при транспортировке и хранении зерна. Иногда ситуация доходила до абсурда. В Крутойрском зерносовхозе три трехтонные машины при следовании с поля до амбара из-за неисправности короба рассыпали по пути весь груз (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 64–65).

Часть площадей, занятых зерновыми, осталась необранной и ушла под снег. Как и в предыдущие годы, в совхозах процветали бесхозяйственность и так называемое разбазаривание хлеба. Одно из отделений Ададымского совхоза, где работало 280 рабочих, получало хлебные пайки на 860 чел. Принадлежавшая совхозу мельница, согласно документам, передала рабочему кооперативу 1348 ц муки, в то время как было оформлено получение только 1297 ц. На вопрос, куда делся 51 ц муки, заместитель директора по хозяйственной части развел руками и заявил: «Неизвестно, видимо, утруска» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 60). Пользуясь отсутствием контроля, совхозы распоряжались хлебом по своему усмотрению, несмотря на то что весь выращенный и собранный урожай считался собственностью государства.

Бесконтрольное расходование хлеба представляло широкие возможности для хищений. Перевозившие хлеб шоферы часто пользовались своим служебным положением. Водитель Алабатинского совхоза продал пятитонную машину пшеницы за 3 тыс. руб. Столь крупную сделку с ним заключили казахи одного аула, вскладчину приобретшие зерно. Занимались хищениями не только шоферы, но и другие рабочие совхозов, если у них были для этого возможности (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 28–29).

Мигрировавшие из Казахской АССР казахи-голодобеженцы организовывали поселения вблизи или прямо на принадлежавших совхозам землях и во время созревания хлебов занимались «колосованием» (сбором зерна путем срезания колосьев) и расхищением хлеба во время обмолота. Не только голодающие казахи, но и крестьяне близлежащих деревень пользовались возможностью поправить свое материальное и продовольственное положение за счет совхозов: «Имеется ряд случаев, когда крестьяне окружающих сел, приезжая в совхоз, открыто нагружали пшеницу и везли за пределы совхоза. Всего за подобные хищения арестовано 48 чел., которые были осуждены показательным процессом местным судом». Хищением совхозного хлеба занимались и колхозники, работавшие на убор-

ке и обмолоте урожая в совхозе (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 27).

Невыполнение заготовительных заданий в ряде совхозов также было связано с тем, что их директора изначально завысили данные об урожайности зерновых. Весной некоторые из них, стремясь отчитаться об ударных темпах посевной кампании, предоставляли неточные сведения о площади посева. Осенью для получения одобрения вышестоящих инстанций ими завышались данные о видах на урожай. Контрольная краевая комиссия, оценивавшая деятельность Ададымского зерносовхоза, выяснила, что его дирекция завысила урожай, заявив о 72 тыс. ц валового сбора, в то время как согласно актам апробации на корню, проведенной в конце лета, биологический урожай составлял 69 тыс. ц. Позже дирекции пришлось снижать данные о его размерах по причине высоких потерь в ходе сбора урожая. В ноябре было заявлено о 59 тыс. ц валового сбора. Фактически же совхоз собрал около 41 тыс. ц (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 55–56). Подобные случаи были не единичны.

Западно-Сибирский зернотрест зачастую не посылал уполномоченных на места для выяснения точности сведений. Определение урожайности стало внутренним делом совхозов, их данные практически не проверялись, что дало возможность дирекциям самим устанавливать цифры. При этом попытки работников совхозов указать на ошибки в определении урожайности встречали жесткую критику. Так, в Крутойровском зерносовхозе заместитель директора по производственной части, осмелившийся уточнить валовой сбор, был обвинен директором хозяйства в «правом оппортунизме» по причине того, что его цифры оказались меньше ранее предоставленных совхозом краевым организациям (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 65).

15 ноября 1932 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «О хлебозаготовках по зерносовхозам», в котором выполнение годового плана хлебосдачи признавалось неудовлетворительным. Директор Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголин обязывался, «исходя из необходимости обеспечить выполнение плана зерносовхозами к 15 декабря», установить для каждого совхоза календарные сроки хлебосдачи, оказать им помощь путем переброски молотилок, тракторов и автотранспорта. Райкомам ВКП(б) районов, на территории которых располагались зерносовхозы, предлагалось обеспечить получение ими из МТС и колхозов недостающего количе-

ства молотилок и вербовку рабочей силы для обмолота и вывоза хлеба. Директорам совхозов предлагалось «в целях сокращения расхода хлеба на потребительские нужды немедленно снять со списков кормящихся по совхозам всех ненужных совхозам лишних людей, взятых совхозами на кормление по собственному почину или навязанных им местными организациями, обратив освободившееся зерно на выполнение плана хлебосдачи» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 136–136об.).

Бюро крайкома объявило выговоры директорам Завьяловского и Алтайского зерносовхозов Карпушу и Леваку. Однако Р.И. Эйхе считал краевой уровень взыскания для директора Завьяловского совхоза недостаточным и попросил И.В. Сталина объявить ему выговор от ЦК с опубликованием в печати. Просьба была выполнена [3, с. 214]. 18 ноября в «Советской Сибири» опубликовано сообщение ТАСС с информацией о том, что директору Завьяловского зерносовхоза Карпушу объявлен выговор ЦК ВКП(б) «за совершенно неудовлетворительное выполнение плана хлебосдачи». Карпуш также получил предупреждение, что «в случае невыполнения плана хлебосдачи он будет привлечен к более суровой ответственности как по партийной, так и по государственной линии».

Обязывая директора Западно-Сибирского зернотреста и райкомы ВКП(б) обеспечить выполнение совхозами годового заготовительного задания к 15 декабря, руководство края было уверено в невозможности реализации своей директивы. 12 ноября Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский направили И.В. Сталину телеграмму с ходатайством отсрочить сдачу совхозами края 2 млн пуд. зерна до 1 марта 1933 г. Свою просьбу они аргументировали недостатком материально-технических ресурсов и рабочей силы для обмолота и вывоза хлеба в установленный ранее срок. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось перенести срок завершения хлебосдачи совхозами Западной Сибири на 15 января [3, с. 213–214].

В ноябре перелома в выполнении заготовительных планов совхозами Западной Сибири не произошло. Более того, объем сдачи совхозами хлеба государству снизился с 3110 тыс. пуд. в октябре до 2145 тыс. пуд. в ноябре. На 30 ноября 1932 г. годовой план был выполнен лишь на 47%, тогда как колхозами – на 84% (см. табл. 1). В начале декабря ситуацию с хлебосдачей совхозов Западной Сибири взяли на контроль высшие должностные лица СССР. 1 декабря

И.В. Сталин и В.М. Молотов направили в адрес Р.И. Эйхе и председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинского шифротелеграмму, в которой на них возлагалась личная ответственность за хлебозаготовки в совхозах: «Берите в руки дело сдачи хлеба совхозами, если не хотите нарваться на неприятность». Руководителям Западно-Сибирского края поручалось: а) «арестовать немедленно директора совхоза “Степной” Гравеля за явный саботаж хлебосдачи с объявлением об этом в печати и направить его этапом в Москву в ОГПУ»; б) «предписать директорам совхозов Сортсемтреста и Зернотреста немедленно организовать честную и большевистскую сдачу хлеба с безусловным выполнением плана в срок, если они не хотят подвергнуться жестокой каре»; в) «сообщить к 7 декабря фамилии директоров совхозов всех систем, не выполняющих план сдачи хлеба несмотря на Ваше предупреждение» (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 65). Потребовав увеличить темпы хлебосдачи, Центр тем не менее удовлетворил просьбу краевого руководства о частичном снижении плана возврата совхозами натуральных ссуд. Возврат 500 тыс. пуд. переносился на следующий год (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 168–168 об.).

2 декабря собранное в срочном порядке бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) обсудило меры по реализации директивы И.В. Сталина и В.М. Молотова. Было решено направить в 6 зерносовхозов с самыми большими заготовительными заданиями комиссии крайкома «под руководством краевых работников с участием секретарей райкомов соответствующих районов, также работников ГПУ с тем, чтобы обеспечить на месте проведение всех мероприятий и помощи совхозам, проверки организации работ совхозов, также необходимых репрессий» [3, с. 238].

На том же заседании было принято совместное постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома «О хлебосдаче по совхозу “Степной”». Полномочному представительству ОГПУ по краю предлагалось «за явный саботаж организации хлебосдачи» арестовать директора совхоза Гравеля и направить его в ОГПУ в Москву. «За непринятие мер по организации контроля и необходимой помощи в обмолоте, триеровке и хлебосдаче совхозу “Степной”» строгий выговор получили секретарь Смоленского райкома

и председатель райисполкома (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 319). 3 декабря постановление опубликовали в краевой газете «Советская Сибирь».

3 декабря Р.И. Эйхе направил И.В. Сталину и В.М. Молотову шифротелеграмму с информацией о мерах по усилению хлебосдачи в совхозах. В ней также содержалась просьба разрешить снять с работы директора Бийского зерносовхоза Ветошникова в связи с тем, что руководимое им хозяйство выполнило план хлебосдачи лишь на 37%. В ответной шифротелеграмме Сталин и Молотов предложили «не снимать пока Ветошникова, а сказать ему, что если он не доведет сдачу хлеба до максимума в течение двух ближайших пятидневок, мы покараем его жестоко» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 70, 77).

Информируя Центр о предпринятых мерах, руководство Западно-Сибирского края вновь подняло вопрос об отсрочке сроков хлебосдачи совхозами. 1 декабря Р.И. Эйхе направил И.В. Сталину шифротелеграмму, в которой просил генсека «ввиду того исключительно тяжелого положения, которое создалось в совхозах с обмолотом, сроки сдачи значительно отсрочить». Срок завершения выполнения годового заготовительного задания по-прежнему предлагалось перенести на 1 марта, а объем отсрочки увеличить до 3,5 млн пуд. «Мы просили и просим отсрочить сдачу до 1 марта исходя из того, что начиная с конца декабря и весь январь фактически не может быть сколько-нибудь значительного обмолота в связи с сильными морозами, при которых мы без прозодежды рабочих на молотье не удержим. Это с одной стороны, и во-вторых, если будем молотить, окончательно выведем из строя наш тракторный парк» [3, с. 239–240]. В ответной шифротелеграмме просьба о перенесении срока выполнения годового заготовительного задания на 1 марта была определена как «неприемлемая». По мнению Сталина, «задержка» могла привести к хищениям и порче зерна. В качестве крайней меры он соглашался отсрочить сроки завершения хлебосдачи до 1 февраля (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 76).

В первой половине декабря темпы хлебосдачи в совхозах увеличились. Однако этого было недостаточно для своевременного выполнения годового плана. На 15 декабря 1932 г. выполнение сокращенного в начале месяца заготовительного задания по совхозам всех систем составляло 60%, по Зернотресту – 58%, Сорт-

семтресту – 56% (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 100; Д. 354. Л. 177об.). Оргинструкторский отдел Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) в обзоре «О ходе и результатах хлебозаготовок на 15 декабря 1932 г.» в качестве одной из причин задержки обмолота и вывоза хлеба в совхозах назвал недостаточность помощи, оказываемой им местными властями. Так, в Алейском и Тогучинском районах местным совхозам отказали в просьбах о предоставлении молотилок. В Быстро-Истокском районе в совхоз послали 6 молотилок без бригад. Битковский совхоз вместо 19 сложных молотилок получил только 10, из них 8 – без бригад, из 15 «полусложных» молотилок не получил ни одной, в хозяйство не было отправлено ни одной лошади из 800 назначенных. Дирекция Бердского совхоза сообщала: «Нет бензина, буран и морозы до 20 градусов. Получено от района 7 молотилок-кустарок, лошадей 59, людей 72 чел. В оказании помощи район медлит» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 98–105).

Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 19 декабря, крайне негативно оценив результаты хлебосдачи в совхозах, приняло решение объявить выговор директору Зернотреста Л.С. Марголину, снять с работы, арестовать и «отправить в распоряжение ОГПУ» директора Завьяловского зерносовхоза Карпуша, снять с работы директора Сосновского зерносовхоза Маркова. СибКК поручалось в начале января рассмотреть вопрос о партвызысканиях по отношению к директорам других отстающих зерносовхозов, «а в отношении некоторых – и исключение из партии, если не будет достигнуто решающего перелома в организации обмолота и хлебосдачи».

Райкомам компартии и их секретарям напоминалось об ответственности в выполнении плана хлебосдачи. Смоленский, Ново-Омский, Тогучинский, Лушниковский, Бийский, Бердский, Черепановский, Прокопьевский, Павлоградский, Борисовский, Шипуновский и Алейский райкомы обязывались организовать выезд «всем основным работникам бюро РК непосредственно в совхозы для руководства организацией по каждому совхозу по обмолоту и хлебосдаче, мобилизуя для этих целей внутри районов в колхозах и единоличных хозяйствах необходимое количество молотилок, рабочую и гужевою силу, устанавливая для колхоза и единоличного хозяйства задания по обмолоту и вывозу».

В зерносовхозы также направлялись члены бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)

и президиума крайисполкома: в Черепановский – первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе, в Сосновский – секретарь крайкома И.И. Кудрявцев, в Крутойярский и Ададымский – секретарь крайкома Лаврентий (Л.И. Картвелишвили), в Алтайский – заместитель председателя крайисполкома И.И. Решиков, в Бердский – заместитель председателя крайисполкома В.Ф. Тиунов (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 177об.–179). Направление непосредственно в хозяйства столь высокопоставленных должностных лиц свидетельствует о значении, которое руководство края придавало форсированию хлебосдачи в совхозах. Р.И. Эйхе не хотел «нарваться на неприятности», обещанные ему И.В. Сталиным в случае провала заготовительного задания совхозами региона.

Беспрецедентное давление принесло свои плоды. Объем хлебосдачи в совхозах в декабре увеличился по сравнению с предыдущим месяцем более чем на треть и составил 2902 тыс. пуд. Однако к радикальному изменению плановых показателей это не привело. На 31 декабря 1932 г. годовой план был выполнен лишь на 67% (см. табл. 1). Основными причинами срыва календарных заданий стали погодные условия (сильные морозы, перемежаемые буранами), а также так и не восполненный дефицит рабочей силы и техники.

Руководство Западно-Сибирского края не смирилось со сложившимся положением. Период с конца декабря 1932 г. до начала второй декады января 1933 г. в Западно-Сибирском крае стал временем «штурма по ликвидации прорыва» в хлебосдаче совхозов. 29 декабря бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «Об усилении обмолота и хлебосдачи совхозами», которое предусматривало: 1) отправку в течение суток в Прокопьевский зерносовхоз специальной комиссии крайкома; 2) командирование в трехдневный срок в Прокопьевский, Черепановский, Бердский, Завьяловский и Сосновский зерносовхозы бригад по 10 человек «из состава новосибирского и омского актива <...> для непосредственной работы около [молотильных] агрегатов»; 3) направление в Крутойярский, Ададымский и Алаботинский зерносовхозы комиссии крайРКИ для выяснения недостачи хлеба и выявления виновных в этом. Кроме того, бюро крайкома решило снять с работы и предать суду директора Бердского зерносовхоза, исключить из партии, снять с работы и арестовать заведующего 6-м отделением Сосновского зерносовхоза [15].

3 января бюро крайкома утвердило план централизованных хлебозаготовок на январь, равнявшийся всей невыполненной части годового заготовительного задания по совхозам – 5,2 млн пуд. Директора совхозов предупреждались, что в случае «срыва» годового плана будет поставлен вопрос об исключении их из партии. Секретарям райкомов и председателям райисполкомов районов, на территории которых располагались совхозы, указывалось, что «они наравне с директорами совхозов отвечают за выполнение плана хлебосдачи в январе и обязаны оставаться на работе непосредственно в совхозе впредь до выполнения совхозом плана хлебосдачи» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 5–6).

5 января бюро крайкома утвердило «окончательные» сроки завершения хлебосдачи совхозами Зернотреста и Сортсемтреста. Персональная ответственность за завершение хлебосдачи в установленные сроки возлагалась на директоров совхозов, секретарей райкомов, председателей райисполкомов, уполномоченных крайкома и крайисполкома, которых обязали «безвыездно быть в совхозах впредь до полного завершения хлебосдачи». Перечисленные «товарищи» предупреждались, что «в случае невыполнения ими плана сдачи хлеба <...> будет поставлен вопрос об исключении из рядов партии». 13 января бюро крайкома решило направить в наиболее отстающие зерносовхозы выездные сессии краевого суда (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 7; Оп. 1. Д. 417. Л. 15).

С начала января 1933 г. в «штурм по ликвидации прорыва» активно включилась центральная краевая газета «Советская Сибирь». В ряде номеров освещение хлебосдачи в совхозах стало центральной темой. По нашей оценке, частота и объем публикаций краевой газеты, посвященных данному вопросу, в течение 18 дней января были беспрецедентными. С 2 по 12 января материалы размещались на первой полосе. 2 января хлебосдаче совхозов были посвящены передовая статья «Вытравить буржуазные тенденции», объемная корреспонденция о Бердском зерносовхозе «На Шипке все спокойно» и перепечатка обзора «Правды» от 31 декабря 1932 г. «Регистрация фактов вместо борьбы за хлеб» с критикой позиции «Советской Сибири» по вопросу заготовок в совхозах.

3 января в газете публикуются корреспонденции о Битковском («Дальше резолюций не идут») и Завьяловском («Много хороших, но не выполненных обещаний») совхозах; 4 января –

передовая статья «Беспощадный отпор антигосударственным тенденциям» и корреспонденция «До конца очистить Алтайский зерносовхоз от кулацкого отребья и буржуазных перерожденцев, ударно выполнить план хлебосдачи!»; 6 января – корреспонденция «Руководство Прокопьевского зерносовхоза вместо усиления обмолота и хлебосдачи продолжает цепляться за “объективные причины”»; 7 января – корреспонденция «Причины отставания Черепановского зерносовхоза кроются в классовой слепоте его руководителей»; 8 января – корреспонденция «Руководство Прокопьевского зерносовхоза окончательно обанкротилось» и заметка о ситуации в Битковском совхозе «Полную нагрузку молотилкам и транспорту»; 9 января – корреспонденция «В Крутойрском зерносовхозе разбазаривание хлеба не считают антигосударственной тенденцией» и заметка «Зерно под снегом» о ситуации, сложившейся в семеноводческом совхозе «Кубанка»; 12 января – корреспонденция «К суровому ответу руководителей Прокопьевского зерносовхоза за преступный срыв хлебосдачи» и заметка о Бердском совхозе «Регистрируют и разводят руками».

В нескольких следующих номерах «Советской Сибири» материалы о хлебосдаче совхозов размещались на третьей и четвертой полосах. На первых публиковались доклады руководителей партии и правительства на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 13 января газета разместила обзор «Многотиражка “В бой за хлеб”» (Прокопьевский совхоз) и две заметки «Руководители Бийского зерносовхоза проходят мимо таких контрреволюционных безобразий, как расхищение государственной собственности» и «Тогучинский райком партии – в ответе за позорное положение дел в Завьяловском зерносовхозе»; 14 января – корреспонденция о Крутойрском совхозе «Вышибить кулаков и прочие антисоветские элементы из совхозов и окончательно их уничтожить»; 16 января – корреспонденция «[директор Бийского зерносовхоза] Ветошников это называет “просчетами”». 17 января на первой полосе краевой газеты опубликована заметка «Директор Битковского зерносовхоза Худяков с обывательским благодушием относится к воровству хлеба». 19 января на второй странице – корреспонденция о Соновском зерносовхозе «В трясине преступной бесхозяйственности» в рубрике «В ближайшие же дни завершить выполнение плана хлебосдачи во всех совхозах». После 19 января информация о хлебосдаче совхозов сходит со страниц

«Советской Сибири», что означало прекращение «штурма прорыва».

По оперативным данным на 20 января 1933 г., хозяйства Западно-Сибирского зернотреста с начала кампании сдали государству 11,3 млн пуд., что составило 81% от годового заготовительного задания, а хозяйства Сортсемтреста – 1,4 млн пуд. (102%). Вышеприведенные цифры свидетельствуют, что основной поставщик хлеба государству в регионе в совхозном секторе, Зернотрест, на долю которого приходилось 95% от годового задания по совхозам в целом, план провалил. Несмотря на это, бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 21 января обратилось в ЦК компартии с просьбой снять с «черной доски» «Правды» директоров краевого Зернотреста и западносибирских совхозов¹ (ГАО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 420. Л. 32; Д. 354. Л. 55). Данное прошение было алогичным лишь на первый взгляд.

Принимая решение о начале «штурма», руководство региона, по нашему мнению, исходило из следующих соображений. На конец 1932 г. годовой план централизованных хлебозаготовок по всем секторам сельской экономики Западно-Сибирского края был выполнен на 96,1% (см. табл. 1). Таким образом, региону не удалось реализовать поставленную верховной властью задачу добиться его выполнения к 1 января 1933 г. Затягивание хлебозаготовок вызывало жесткую критику со стороны И.В. Сталина и создавало угрозу для политической карьеры партийного и советского руководства края. Однако хлебозаготовки отставали от графика и в других зернопроизводящих регионах страны [6, с. 139]. Дефицит хлеба нарастал. Продовольственное положение резко ухудшилось. Руководители Западной Сибири понимали, что гарантией их политического самосохранения может стать выполнение годового плана централизованных хлебозаготовок в возможно короткие сроки. Добиться этого в основном за счет кол-

хозно-крестьянского сектора представлялось невозможным: годовой план по нему был уже выполнен. Тотальное дополнительное изъятие зерна могло полностью лишить колхозы семенных и продовольственных ресурсов. В то же время в колхозно-крестьянском секторе можно было получить определенные дополнительные объемы хлеба за счет заготовок в районах, не выполнивших годовой план. Но основным хлебным донором должны были стать совхозы. Необмолоченное зерно в них оставалось. Для руководства края было очевидно, что его недостаточно для выполнения всего разверстанного на совхозный сектор годового заготовительного задания. Но за счет совхозов можно было получить большую часть хлеба, не достающего для довыполнения регионального плана централизованных хлебозаготовок.

Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский в конце декабря 1932 г. не могли публично заявить о невозможности полного выполнения плана хлебосдачи совхозами. Во-первых, это могло вызвать жесткую критику со стороны И.В. Сталина, во-вторых, расхолаживающе подействовать на директоров совхозов. Своей скрытой цели руководители края достигли. На 20 января 1933 г. годовой план централизованных хлебозаготовок был выполнен на 100,1% за счет колхозно-крестьянского сектора (см. табл. 1) (ГАО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 420. Л. 32). В других зернопроизводящих регионах добиться выполнения заготовительных заданий к этому времени не удалось. Именно поэтому руководители Западно-Сибирского края сочли себя вправе просить не только о снятии с «черной доски» «Правды» сорвавших годовой план директоров зерносовхозов.

21 января 1933 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) официально признало невозможность выполнения годового заготовительного задания по совхозному сектору сельской экономики. Исходя из того, что «в результате бесхозяйственности, прямого вредительства, расхищений и растрат хлеба в зерносовхозах установленный план хлебосдачи оказался для ряда зерносовхозов нереальным», бюро крайкома решило создать комиссию, которой поручалось проработать вопрос о снижении заготовительных заданий отдельным зерносовхозам. При этом следовало учитывать необходимость их обеспечения достаточными объемами семян, продовольствия и фуража (ГАО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 13).

28 января бюро крайкома обсудило предложения комиссии. По итогам обсуждения данно-

¹ На «черную доску» «Правды» были занесены директор Западно-Сибирского зернотреста, директора Алтайского, Битковского, Бийского, Ададымского, Черепановского и Прокопьевского зерносовхозов, секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома Баевского района [10]. 24 января 1933 г. в «Правде» появилось датированное 22 января 1933 г. сообщение РОСТА из Новосибирска: «Западная Сибирь выполнила полностью годовой план хлебосдачи и заканчивает засыпку зерна». Помещенную в том же номере «черную доску» сопровождала приписка о том, что вышеперечисленные должностные лица с нее «снимаются».

го вопроса было решено: 1) «В связи с выполнением плана хлебозаготовок по краю в целом считать хлебосдачу по Зернотресту законченной». 2) Годовое заготовительное задание хозяйствам Зернотреста снизить на 890 тыс. пуд. 3) Зерно, которое будет сдано Зернотрестом в рамках довыполнения сокращенного плана, направить для оказания семенной помощи животноводческим совхозам.

Приняв решение о свертывании хлебосдачи в зерносовхозах, бюро крайкома тем не менее подвергло руководство треста и директоров отстающих хозяйств жесткой критике за невыполнение государственного заготовительного задания. Их «главной ошибкой» стало «упущение лучшего времени для молотбы – октябрь, особенно ноябрь. Это запоздание обмолота привело к громадным дополнительным затратам сил и средств для организации обмолота в зимнее время». За ошибки следовало платить. В связи с этим соответствующим должностным лицам надлежало «просмотреть списки всех директоров совхозов и заведующих отделениями с тем, чтобы применить те или иные репрессии по отношению к лицам, виновным в бесхозяйственности, саботаже хлебосдачи и т. п.». «В связи с выявлением дополнительных моментов, характеризующих большую бесхозяйственность», бывшего директора Сосновского зерносовхоза Маркова и его заместителя Якубовича надлежало арестовать и предать суду. Крайпрокурору и председателю краевого суда поручалось «организовать в Сосновском зерносовхозе немедленно 1–2 открытых процесса по наиболее показательным делам о хищении с применением к виновным высшей меры наказания» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 420. Л. 15–16).

Всего в январе 1933 г. в совхозах Западно-Сибирского края заготовили 2708 тыс. пуд. хлеба, что лишь на 6,3% уступало показателям предыдущего месяца. На конец месяца выполнение сокращенного 28 января годового заготовительного задания составило 89,3%. До конца заготовительного года, который официально завершался 30 июня 1933 г., совхозы края сдали государству еще 676 тыс. пуд., доведя выполнение годового плана до 93,9%. Первоначальный вариант плана удалось выполнить на 85,7% (см. табл. 1). Плановая дисциплина в совхозах других регионов страны была еще хуже. Выполнение утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) 1 сентября 1932 г. годового заготовительного задания по совхозному сектору СССР в 159 млн пуд. составило 62,4%, а со-

кращенного в ходе кампании до 124 млн пуд. – 80%. Всего в 1932/33 г. совхозы сдали государству 99,1 млн пуд. зерна. Следует отметить, что принятый в марте 1931 г. VI съездом Советов СССР трехлетний план развития совхозов предусматривал получение от совхозов в 1932/33 г. 290 млн пуд. [4, с. 487, 504].

Еще более неприятным сюрпризом для сталинского руководства было то, что себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство было вынуждено тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. В реальной действительности «социалистической реконструкции сельского хозяйства» совхозы стали не «локомотивами» аграрной экономики, а ее обременением. В материалах созданной по инициативе Сталина специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства» [7, с. 36]. Провал программы совхозного строительства стал очевидным, и в 1932 г. ее свернули.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011.
2. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение Урала. 1928–1934 гг. М.: Дашков и К, 2009.
3. Голод в СССР. 1929–1934: сб. документов в 3-х т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. М.: МФД, 2012.
4. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.
5. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.
6. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014.
7. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 34–38.
8. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяй-

ства СССР (1929–1932 гг.) М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.

9. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002.

10. Правда. 1932. 18 января.

11. Сельское хозяйство СССР: ежегодник 1935. М.: Сельхозгиз, 1936. 10

12. Советская Сибирь. 1932. 3 ноября.

13. Советская Сибирь. 1932. 3 октября.

14. Советская Сибирь. 1932. 3 сентября.

15. Советская Сибирь. 1933. 1 января.

16. Социалистическое земледелие. 1932. № 11–12. С. 15.

17. Специалист социалистического земледелия. 1931. № 9–10. С. 2.

REFERENCES

1. Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i selskoe khozyaistvo v Sibiri v 1930 gg.: dokumentalno-monograficheskoe izdanie [Agrarian policy of Soviet state and agriculture of Siberia in the 1930s: documents and reserach]. Novosibirsk, 2011. (in Russ)

2. Baranov, E.Yu., Kornilov, G.E., Labuzov, V.A., 2009. Agrarnoe razvitie i prodovolstvennoe obespechenie Urala. 1928–1934 [Agricultural development and food supply in the Urals, 1928–1934]. Moskva. (in Russ)

3. Golod v SSSR. 1929–1934: sbornik dokumentov v 3-kh t. T. 2: iul' 1932 – iul' 1933 [Famine in the USSR, 1929–1934: collected documents in 3 volumes. Vol. 2: July 1932 – July 1933]. Moskva, 2012. (in Russ)

4. Davies, R. and Wheatcroft, S., 2011. Gody goloda: sel'skoe khozyaistvo SSSR. 1931–1932 [The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933]. Moskva. (in Russ)

5. Kondrashin, V.V., 2008. Golod 1932–1933: tragediya rossiiskoi derevni [The famine of 1932–

1933: tragedy of Russian village]. Moskva. (in Russ)

6. Kondrashin, V.V., 2014. Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i eyo rezul'taty (1929–1933 gg) [Grain procurement policy during the first five-year plan and its results, 1929–1933]. Moskva. (in Russ)

7. Kondrashin, V.V., 2013. Khlebozagotovitel'naya politika v SSSR v gody pervoi pyatiletki i eyo rezul'taty [Grain procurement policy in USSR during the first five-year plan and its results]. Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri, no. 4, pp. 34–38. (in Russ)

8. Moshkov, Yu.A., 1966. Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR [Grain problem during collectivization years in USSR, 1929–1932]. Moskva. (in Russ)

9. Ilinykh, V.A. and Kavtsevich, O.K. eds., 2002. Politika raskrestyanivaniya v Sibiri: khronikal'no-dokumental'nyi sbornik. Vyp. 2: Formy i metody tsentralizovannykh zagotovok [«Raskrestyanivaniye» in Siberia: collected documents. Issue 2: Forms and methods of centralized grain procurement, 1930–1941]. Novosibirsk. (in Russ)

10. Pravda, 1932, January 18. (in Russ.)

11. Selskoe khozyaistvo v SSSR: ezhegodnik 1935 [Soviet agriculture: a yearbook of 1935]. Moskva, 1936. (in Russ).

12. Sovetskaya Sibir', 1932, November 3. (in Russ.)

13. Sovetskaya Sibir', 1932, October 3. (in Russ.)

14. Sovetskaya Sibir', 1932, September 3. (in Russ.)

15. Sovetskaya Sibir', 1933, January 1. (in Russ.)

16. Sotsialisticheskoe zemledelie, 1932, no. 11–12, p. 15. (in Russ.)

17. Spetsialist sotsialisticheskogo zemledeliya, 1931, no. 9–10, p. 2. (in Russ.)

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/122-127

Е.Н. Мотовникова*

ОРГАНИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: СТРУКТУРА И СМЫСЛЫ**

Статья содержит изложение актуальных аргументов в пользу органического понимания истории как основы исторического образования и просвещения. На основе обращения к классическим работам русской органической школы (А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, К.Н. Бестужева-Рюмина и Г.С. Померанца) показана социальная и эпистемологическая предпочтительность уходящего горизонта личностно-смыслополагающей истины органического понимания перед догматическими формулами исторической идеологии и теоретического позитивизма. Автор обосновывает необходимость формирования в обучении и просвещении установок целостно-органического исторического видения и критического мышления для распространения идеи единства истории при многообразии ее понимания и трактовок в сложном современном обществе.

Ключевые слова: органическое понимание истории, русский органицизм, догматизм, смыслополагание, холизм, антипозитивизм, историческое образование

Organic view of history: structure and meanings. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article makes a case for the organic understanding of history as the basis of historical education. Appealing to the classical works of the Russian organic school (Apollon Grigoriev, Nikolai Strakhov, Konstantin Bestuzhev-Ryumin and Grigory Pomerants) the author states social and cognitive preference of the outgoing horizon of personal truth within the framework of organic understanding over the dogmatic formulas of historical ideology and theoretical positivism. The author justifies the need to formulate attitudes of the integral-organic historical vision and critical thinking in teaching, which would serve to distribute the idea of the unity of history along with the diversity of its understanding and interpretations in a complex modern society.

Keywords: organic view of history, Russian organicism, dogmatism, meaning-making, holism, anti-positivism, history education

Органическое понимание истории должно сегодня рассматриваться, на мой взгляд, не только как наилучший, но и актуально един-

ственный правильный подход в преподавании истории в средней и высшей школе, как и в широком историческом просвещении, в популяр-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

© Мотовникова Е.Н., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01252.

зации исторических знаний через литературу и СМИ. Если в работе профессиональных историков разработка исторических теорий («моделей развития»), по-видимому, неизбежна, то для «потребителей» исторического знания никогда не следует превращать историю в ее противоположность – теорию (в рамках классического эпистемологического противопоставления логического и исторического), при условии, что мы видим в истории инструмент развития национального и гражданского сознания и самосознания, а не разжигания страстей гражданской распри и идеологической (информационной) войны.

Органическое историческое понимание, известное с античных времен (аристотелевский телеологизм), приобрело особую значимость в Новое и Новейшее время как противовес волне позитивизма, накрывшей исторические науки, как такая метаисторическая позиция, которая принципиально отвергает общезначимость любых теоретических моделей (монофакторных или полифакторных) объяснения таинственных в своей глубинной основе процессов жизни, идет ли речь о биографии частного человека (личности, живущей свою жизнь в поле индивидуальной свободы и ответственности) или о коллективном историческом субъекте (органической культурно-национальной общности), также необъяснимом вполне и непредсказуемом в своей целостной судьбе в мире.

Органическое мышление, вопреки все еще распространенным позитивистским ошибочным его истолкованиям, несводимо ни к системному подходу, ни тем более к пресловутой «биологической метафоре» (вторичной по отношению к философской идее органического целого). Наиболее важные структурные основы органического мышления как особенного, специфического стиля научного мышления (Б. Пружинин), составляют установки, известные в философии как холизм (или холистичность), телеологизм, познавательный кеносис и теоретический скепсис. Это означает, что недоверие к рассудочному познанию, склонному к абстрагирующей аналитичности, мнимым следованиям и поспешным обобщениям, органический мыслитель направляет прежде всего на себя самого (внутренняя полемичность), постоянно подвергая свои собственные, как и чужие, концептуализации испытаниям контраргументами, опровержениями «от противного». В неисчерпаемой событийности исторического предмета познания никто не может быть уверен ни в чем

со степенью очевидности или верифицирующей/фальсифицирующей наглядности, но если испытания сомнением (Р. Декарт) выдержаны, то результат познания следует признать заслуживающим внимания и включения в более широкий контекст знания, даже если это потребует серьезного пересмотра традиции, полемики с устоявшимися представлениями и образом мыслей. В этом скепсисе и кеносисе исторический органицизм обнаруживает свою научную состоятельность, познавательную серьезность, проявляющиеся как последовательное и твердое эпистемологическое самоограничение.

Что же касается способов приращения знания и углубления понимания, то есть творческого познавательного начала, то органическое исследование стремится, во-первых, принимать в качестве значимых именно специфические, оригинальные черты, проявившиеся уже как характерные (индивидуализирующие) для данного изучаемого исторического феномена, и искать в его прошлом истоки («зародыши», «зерна», «семена» и т. п.) этого своеобразия; а во-вторых, не замыкать все внимание на отдельных, пусть даже самых ярких, чертах, но стараться учесть взаимовлияния разных характеристик внутри исторического целого и воздействий на него извне, составить целостный образ, выявить исторические связи («корни») его взаимоотношений с большим миром (с «почвой» и «средой»), в котором он, как раз в силу своего своеобразия, играет некую органически важную роль. Обилие биологических метафор в описании методов органического исторического исследования говорит только о том интуитивно очевидном факте, что для формирования новых понятий о живых исторических связях и процессах лучше подходит лексический материал языка биологии, чем физики или математики. И хотя никаких принципиальных запретов в этом процессе научного словотворчества не существует, стилистические смысловые предпочтения сразу дают понять, с какой парадигмой исторического мышления мы имеем дело в данном конкретном тексте (описываются «движущие силы» и «причины» или «духи» и «вихри» русской революции, например).

Таким образом, в органическом историческом описании и/или исследовании мы несколько раз, подвижные исследовательским интересом и упомянутым скепсисом, меняем масштаб целого и ракурсы его рассмотрения, сам рассказ ведем неповторимым (не методическим) путем,

не зная заранее не только конечного пункта, но и того, не придется ли вернуться и переписать какую-то часть истории из-за открывшихся новых значимых деталей (сколько раз переписываются биографии великих людей, хроники жизни которых известны, кажется, поминутно).

Такая генетическая цельность и связность повествования, историческая в узком смысле слова, есть структура, вызывающая порождение смысла, наводящая и исследователя-рассказчика, и читателя-реципиента на телеологическое видение исторического процесса. Смысл как мысль о самом главном в некой истории не задается здесь теоретически, в начале, и не следует в конце как логический вывод или обобщение, а рождается как ответ на вопрос о смысле – когда, если, поскольку и как этот вопрос задается; органический исторический текст – это подлинно открытая структура.

Телеологизм в истории вариативен и полемичен: вспомним версии смысла российского исторического примера перед лицом западной цивилизации («Европы»), извлеченные из его существенно органического рассмотрения П.Я. Чаадаевым, В.С. Соловьевым и Н.Я. Данилевским в XIX в. (можно специально обратить внимание на то, что даже при пересказе этих концепций непременно используются вопросные тропы: «Чаадаев задается вопросом...», «Данилевский задается вопросом...») и вновь актуальные в наши дни (если мы задаемся этими же вопросами). Это полемическое многообразие само по себе органично для исторического познания, как и для научного исследовательского мышления в целом, в отличие от догматизма теоретических схем – «одноточных теорий» (Г. Померанц). «Анти-органические», сознательно абстрагирующие от своеобразия исторических индивидуальностей обобщающие модели истории продолжают появляться и сегодня, как, например, теория технико-информационного развития (прогресса), в которой теоретически преодолеваются (архаизируются) факторы национальной культуры и естественного человека в качестве основных, определяющих факторов исторического развития (так или иначе принимаемых во внимание в классическом марксистском учении о тотальной классовой борьбе и глобальном коммунистическом будущем). Случайно ли, что на пике признания информационного подхода в истории (если считать несомненным признаком такого признания тривиализацию концепции «постиндустриального / информационного общества»

через учебные программы вузов и школ) в мире заговорили о кризисе, откате и даже «закате глобализации»? Более того, под разговоры об архаичности этнического гражданства и национальных культур мы видим, как депривация национального оборачивается «восстанием архаики» (В. Пастухов) в самых грубых, доцивилизованных, негуманных и антигуманных ее проявлениях.

Об ошибочности и опасности лишения истории надежных традиционных оснований страстно-обеспокоенно писал русский органицист А.А. Григорьев. Культ линейного развития, умственный (теоретический) прогрессизм, перенося понятие об идеале и совершенстве человека в бесконечное будущее, оставляет его в настоящем без всякой нравственной опоры, с ложным представлением о своем «величии» по отношению к людям прошлого и в ожидании «поглощения» еще «яснейшим» будущим (см.: [1, с. 46–47]). Именно воплощение вечных и абсолютных идеалов, а не текучки современной жизни, является, согласно мысли Григорьева, смыслом настоящего искусства – художественной вершины и достойной цели исторического творчества человека, – и этими же вечными идеалами-ценностями красоты, правды и любви измеряется совершенство произведения («рожденного», а не «сделанного») любой эпохи, а совсем не верностью изображения «натуры» историчной общественной жизни или теоретических представлений его автора о должном и сущем. Кризис современной эстетики в этом смысле вполне соответствует неорганическому характеру современного (в специальном смысле этого слова) искусства, живущего в параллельном мире по отношению к классической исторической традиции.

Об этой нравственной индифферентности внеисторического, внетрадиционного конструирования социальной и ментальной реальности размышлял уже в XX в. Г.С. Померанц. Универсальные логические формы представления понятий о виртуальной реальности феноменов научного предметного поля могут составлять сколь угодно протяженные ряды конструкций разной сложности (от геометрических и механических до синергетических), между которыми нет никакой иерархии смыслов (если не подменять человеческие смыслы так называемыми «уровнями сложности», или более ранними «формами движения материи» (Ф. Энгельс, Б. Кедров и др.), или их предшественницей, иерархической «лестницей наук» О. Конта).

Впитав наукообразность в процессе институализированного образования, мы привычно не замечаем и не удивляемся, что в шаблонных теоретизирующих описаниях («объект – предмет – метод») не видно ни живой преемственности исследования, ни оригинального творчества мысли – они не самобытны, не рождены из себя и для саморазвития, а «сделаны» (Ап. Григорьев), сконструированы, как «винтики» или «клеточки», всецело подчиненные универсальному космическому целому (холизм без телеологии). Если же стряхнуть с теоретической схемы обаяние позитивистской формальной простоты и красоты и задать в отношении исторической идеи вопрос, в чем ее глубина и мудрость, действительно ли «тайна прибавочной стоимости» является ключом к разгадке великой тайны истории, а прогресс производительных сил закономерно избавляет людей от зла и унижений, ответ будет, скорее всего, грустным и ироническим. «Все бедствия прошлого были объяснены: люди просто не понимали, что дважды два четыре. Теперь они поняли это, и впереди замаячило светлое будущее» [2].

Теоретизм и методологизм как стилистические мыслительные установки по существу своему противоречат свободному и личностно заинтересованному, внимательному органическому разглядыванию, всматриванию, «вчувствованию» в живое и его историю. «Вообще совершенно неправильно рассматривать органические категории как какие-то заранее составленные образы или мнения, к которым мы потом стараемся пригнать все, что нам ни встретится» [3, с. 120–121]. Органическое понимание истории изначально исходит из автономного самоопределения человека и его отдельной жизни (исторической личности) и его самобытного (Н. Страхов), свободного, самообусловленного, искреннего и ответственного поступка (М. Бахтин), перенося эти субъективные характеристики свободы и ответственности с отдельного «я» на коллективные исторические «мы» (О. Розеншток-Хюсси), когда такое коллективное сознательное «поступание» имеет место, и общность проявляет себя как ответственный исторический субъект (в меру общей сознательной целеустремленности, свободы и ответственности). Традиция русского органицизма, укорененного в особой исторической почве специфической религиозности русской философии, сохраняет глубину и высоту Григорьевской мысли о том, что подлинная основа жизни общества и его истории, а также и осно-

вание для истинного исторического суждения, и адекватный критерий для оценки развития (как степени приближения к своему совершенному состоянию) – не теории, стремящиеся, сменяя друг друга, выразить «отвлеченный дух человечества», а единый, всем эпохам понятный, боговдохновенный идеал человеческой души – «идеал правды, красоты и любви» [1, с. 47], познаваемый целостным органическим видением.

Возвращаясь к основной мысли этой статьи, хочу еще раз подчеркнуть: органическое понимание истории – единственно адекватная нашему времени установка преподавания истории в учебных заведениях и ее популяризации через СМИ. Историческое знание, общее образование воспринимается сегодня общественными группами как полный аналог самосознания (разума) отдельного человека, и история снова стала «формой общественного сознания», ареной жарких идеологических сражений. В ситуации явно возросшей неопределенности ближайшего будущего у людей обостряется не только чувство самосохранения, но и сознательная забота об адекватности понимания самой этой ситуации и своего в ней места и участия. Сегодня, как и в тревожной переломной обстановке рубежа XIX–XX вв., можно повторить слова К.Н. Бестужева-Рюмина: «У всех народов мы видим стремление к полному и всестороннему изучению своего настоящего и прошедшего; то, что когда-то считалось признаком учености или тайною канцелярии, делается теперь общим достоянием. Факты исторические, статистические, этнографические, постоянно приводятся в разговорах: ими подкрепляются или опровергаются всякие суждения...» [4, с. 44]. Объемы нынешних продаж исторической литературы нон-фикшн показали бы историкам конца XIX в. просто фантастическими, однако само по себе распространение интереса к исторической литературе еще не означает углубления исторического знания и понимания; здоровый интерес и настоящая заинтересованность должны быть направлены на выяснение исторической истины во всей ее достижимой полноте, а для этого должны быть предприняты личные познавательные усилия, в которых бы реализовалась возможность продвижения к правде свершившегося сквозь мифы и тайны, через деконструкцию разного рода исторических идеологий.

Размышляя о задачах популяризации исторического знания в массах людей, не обладающих специальным историческим образованием, не способных в силу этого к критическому отно-

шению к публикуемым документам и статьям, зачастую нацеленным на пропаганду, «проведение той или другой мысли, и притом так, что мысль выражается нередко только в подборе фактов, в более ярком освещении той стороны, которую более желательно осветить» [4, с. 45], К.Н. Бестужев-Рюмин как будто писал о нас (что дает нам лишнее опровержение теории умственного и нравственного прогресса в ученых кругах). Как опытейший педагог и публицист, он очень точно формулировал главную проблему исторического просвещения: сталкиваясь с историческим нарративом или документом (особенно это касается, конечно, недавнего прошлого своего народа, всегда наименее исследованного и наиболее мифологизированного), обычный человек полагается на свой здравый смысл и «банальную эрудицию», из-за чего ему «приходится или принять совершенно ложное, но искусно сочиненное известие, или отвергнуть то, что действительно было, и что кажется невероятным...» [4, с. 46], а невероятное в форме неожиданного встречается в истории постоянно. При этом даже совершенно верно изложенный факт или документ, «вырванный из своей действительной обстановки, ... может нередко вести к совершенно ложным заключениям» [4, с. 47]. Историка здесь больше всего беспокоит и возмущает имеющая место практика выдергивания и передергивания фактов, сокрытие части информации с манипулятивными целями, и его неприятие вполне понятно. Но что значит «действительная обстановка»? Какова мера полноты и достаточности контекстуального сопровождения фактов, чтобы все вместе исключило ложное истолкование прочитанного? Если люди способны противоположным образом истолковать одно и то же событие, свидетелями которому они явились, то какой контекст и какое истолкование принимать за исторически достоверное? К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что «такие объяснения дает только цельное, связное изложение» [4, с. 47]. Но ведь именно философско-исторические, модельно-теоретические и просто идеологические схемы способны создавать видимость такой цельности и связности, какая просто недостижима для всегда противоречивой и разорванной живой действительности. Как создать убедительную цельность и связность без симпатий и антипатий к персоналиям, без домислов и без упрощения отношений и событий?

На опасность строгой научной формы для исторического знания много раз указывал

Г.С. Померанц: «Факты, по которым, как по шпалам, проложены рельсы логики, становятся незыблемыми, коренными, решающими. Факты, противоречащие теории, вообще не факты, а (как выразился классик) фактики. <...> Чем однозначнее отправной пункт мысли, тем сильнее угроза порабощения духа логикой...» [2]. А логическое как правильное, последовательное и необходимое – полный антипод исторического, живая суть которого состоит в творчестве, в постоянном выходе из установленных правил, в изменении сложившихся последовательностей. Научные предрассудки, вроде приоритета логического над историческим, складываются у многих будущих историков в том возрасте, когда они еще не знают, что захотят после школы (а то и после армии) заняться историей и что формализм и логицизм мышления будут для них не помощниками (как в позитивистски ориентированной средней школе), а помехой и слабостью. Научные предрассудки, которые не осознаются в качестве именно предрассудков и предпосылок, становятся таким же препятствием движения к полноте истины, как слепое пятно в сознании ученого, обусловленное его культурно-историческими факторами. Поэтому и специальное научное, и общее историческое образование необходимо должны дополняться формированием развитой философской рефлексивности и критического мышления, чтобы уметь сознательно избегать «одноточных теорий» и логико-методологического самогипноза. Историческое просвещение может и должно предостерегать, учить беречься от этого гипноза и соблазна, опираясь на внятное предупреждение нашей великой литературы и трагического опыта недавней отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 31–69.
2. Померанц Г.С. Одноточные теории // Григорий Померанц и Зинаида Миркина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pomeranz.ru/p/pub_one_thread.htm
3. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
4. Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. (Неизданная статья К.Н. Бестужева-Рюмина) // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. С. 42–47.

REFERENCES

1. Grigoriev, A.A., 1986. Kriticheskii vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoi kritiki iskusstva [A critical look at the fundamentals, meanings and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i nravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 31–69. (in Russ.)
2. Pomerants, G.S. Odnonitochnye teorii [One-thread theories]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_one_thread.htm (in Russ.)
3. Strakhov, N.N., 2009. Organicheskie kategorii [Organic categories], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 116–124. (in Russ.)
4. Bestuzhev-Ryumin, K.N., 1897. Zadachi populyarizatsii znaniy. (Neizdannaya stat'ya K.N. Bestuzheva-Ryumina) [Problems of knowledge popularization (An unpublished article of K.N. Bestuzhev-Ryumin)], *Istoricheskii vestnik*, Vol. LXVIII, pp. 42–47. (in Russ.)

Г.Г. ШПЕТ КАК МЕТОДОЛОГ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В данной статье ставится задача осмыслить современное значение результатов исследования Г.Г. Шпетом в работе «История как проблема логики» проблемы становления и развития исторического знания как науки в европейской философии с начала XVIII в. и до спорных идей И. Канта. По Шпету, логика истории не есть принципиально новая логика, это «та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета».

Ключевые слова: философия, логика истории, реконструкция, Г.Г. Шпет, И. Хладениус, И. Кант, эпоха Просвещения

Gustav Shpet as a methodologist of historical knowledge. LYUDMILA A MIKESHINA (Moscow Pedagogical State University)

The paper formulates a task to comprehend today's significance of the results of Gustav Shpet's investigation in his work «History as a problem of logic» into the emergence and development of historical knowledge as a science in European philosophy from the beginning of the XVIIIth century up to I. Kant's debatable ideas. According to Shpet, the logic of history is not a fundamentally new logic, but rather «the same logic, but specified according to the peculiarities of the historical subject».

Keywords: philosophy, logic of history, reconstruction, G.G. Shpet, J. Chladenius, I. Kant, Enlightenment

Густав Густавович Шпет (1870–1937) – крупнейший русский философ, охвативший и создавший в отечественной философии основные направления исследования гуманитарных и социальных наук, которые разрабатываются сегодня как актуальные и перспективные не только для XX, но и для XXI вв. Сегодня очевидно, что до сих пор в нашей стране никто не достиг таких глубин и высот в изучении гуманитарного знания как системы самостоятельных наук разного типа, каких достиг Шпет. Поставленные и исследованные им общеполитические и собственно методологические проблемы социальных и гуманитарных наук значимы и сегодня, более того, необходимость их исследования

приобретают все более современный и актуальный характер. Следует, по-видимому, различить и сопоставить проблемы, которые ставил и исследовал Шпет в их конкретном контексте своего времени, и те же проблемы, которые получили дальнейшее развитие уже в современном их видении и понимании, но с опорой на его исходные идеи. Понять и оценить эту ситуацию стало возможным в результате и в контексте современных исследований и в первую очередь проф. Т.Г. Щедриной, профессиональный исследовательский труд и реконструкции которой представили нам в новом издании с обстоятельными научными комментариями публикации и рукописи Г.Г. Шпета. Заново изучены не толь-

* МИКЕШИНА Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

© Микешина Л.А., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01187.

ко изданные при жизни философа тексты, но и большинство рукописных, неизданных. Особый жанр и способ работы, представленный как исследование с позиций, научно обоснованных уникальным специалистом по текстам Шпета, – это *реконструкция*, правомерность и предельная сложность, постижение намерений самого автора которой специально обоснована [6; 7]. Особое значение имеет новое издание «Истории как проблемы логики» в двух частях – реконструкция с обстоятельным постраничным комментарием и восстановленными замечаниями и сносками автора.

Получив многотомное новое издание с подробным научным комментарием Т.Г. Щедриной, отечественные и зарубежные исследователи реализуют возможность осуществить современные исследования работ и идей Г.Г. Шпета, что нашло также отражение во вновь изданном томе в серии «Философия России первой половины XX века» (к 125-летию Г.Г. Шпета, ред. Т.Г. Щедрина, 2014), где представлены идеи, размышления и оценки трудов и идей с позиций современных специалистов, в том числе Шпета. Таким образом, с полной ответственностью можно утверждать, что имя Г.Г. Шпета и его труды в полной мере восстановлены для отечественных и зарубежных исследователей важнейших проблем герменевтического, исторического и языковедческого направлений научного социально-гуманитарного познания. С публикацией трудов Шпета, начиная с герменевтики в журнальном варианте, появилась также возможность более полного исследования феноменологических идей в гуманитарном и языковедческом контексте, что представляет особый интерес, так как это направление все еще не в полной мере освоено современными отечественными философами. До сих пор остается уникальным исследование Шпетом истории как проблемы логики, соотношения логики исторического знания, герменевтики и философии, имеющего несомненное значение для гуманитарного знания, но в полной мере не осмыслено и сегодня, несмотря на то, что потребность в особой логике для этого типа знания признается все большим числом исследователей.

Сегодня уже можно утверждать, что в истории отечественной философии, при всех успехах в современном развитии эпистемологии гуманитарного знания, Г.Г. Шпет по-прежнему во многих базовых проблемах, в частности исторического знания, занимает ведущее место. И прежде всего по таким «показателям»,

как глубина, новизна и оригинальность, обстоятельность и обширность поставленных, по-своему убедительно решаемых и сегодня не потерявших свое значение логико-методологических проблем гуманитарного знания. Все это было до поры забыто или даже утрачено в годы господства абстрактного гносеологизма, теории отражения и борьбы с идеализмом, а также всеобщего «поклонения» и абсолютизации методологии диалектического и исторического материализма. В этом «контексте» глубокие идеи и самостоятельные учения, концепции выдающегося русского философа, пролежавшие почти век в архивах «без движения», просто не могли быть освоены представителями теории познания, историками и представителями немарксистской методологии.

Шпет изначально был уверен в самостоятельности гуманитарной науки, ее теорий и методов и никогда не принимал позитивистской позиции с ее методологией «единого научного метода» как условия статуса науки. Главные темы и проблемы, оригинально и убедительно разработанные Шпетом как крупнейшим и глубоким философом и методологом гуманитарной науки, – это основа для существенного расширения и углубления проблематики социально-гуманитарного знания и сегодня, а не только век назад. Почему возрастает актуальность разработанной в прошлом веке русским философом логики и философии гуманитарного знания? Вижу в этом несколько причин. Прежде всего причины, лежащие в основе развития философии познания в целом.

«Присутствие “Я” не ставится под вопрос» – эта мысль Хайдеггера принципиальна для оценки теории познания не только Декарта. «Ставится под вопрос – или еще меньше того, остается за скобками и не осмысливается – всегда только знание, сознание вещей, объектов или, далее, субъектов, и то лишь для того, чтобы сделать еще более убедительной предвосхищаемую достоверность; но само присутствие никогда под вопрос не ставится. Картезианская установка в философии принципиально не может поставить присутствие человека под вопрос; она тогда заранее погубила бы себя в своем специфическом замысле» [3, с. 342–343]. Мысль Декарта, ставшая хрестоматийной, – это единство метода и правил морали. «Моральная достоверность» означала высшее состояние личной убежденности человека в истинности данного положения. Термин пришел из теологии, но как важнейшее понятие философии XVII в. принимался не

только Декартом, но также Лейбницем и Локком. Многие идеи «физики гипотез» Декарта могут претендовать на статус морально достоверной истины, но не абсолютно достоверного знания. В целом очевидно, что Декарт, выявляя различные ипостаси «Я» и осуществляя рефлексии над ними, вовсе не стремился решить проблемы познания, в частности, истинности, достоверности, путем полного исключения эмпирического субъекта, и само присутствие целостного познающего человека никогда им под вопрос не ставилось. Декарт искал способы преодоления заблуждений и предрассудков, несовершенства разума, разрабатывая для этого «правила для ума» и правила метода, стремился обыденное сознание поднять до уровня научного. Казалось бы, именно эта интенция Декарта вместе с его рационалистическими принципами должна была лечь в основание европейского рационализма и Просвещения. Но произошла своего рода абберация: его критика чувственного познания, «радикальное сомнение», рациональные принципы в дальнейшем огрубляются, абсолютизируются; поиск средств осознания познавательных возможностей человека, способов преодоления ошибок и заблуждений «выродился» в утопическое представление о чистом *ratio*, обеспечивающем объективную истинность знания. Иными словами, именно элиминация человека из метафизики познания стала рассматриваться как условие истинности-достоверности, а последовательные рационалисты предстали более картезианцами, чем сам Декарт.

Сегодня в начале XXI в. философия познания достигла нового уровня в своем развитии, она не может удовлетвориться предельно абстрактным трансцендентальным субъектом как условием истинности и научности знания, изолируя его от системы культурно-исторических и нравственных ценностей. Субъект стал не «вторичным» по отношению к объекту, но вышел, что обосновано сегодня, на первый план в понимании и способов (методов) познания, применения, развития, создания объекта. Осознано, что активность субъекта не сводится к «субъективизму», а является необходимым условием объективно истинного познания объекта. Разумеется, это существенно осложнило сам процесс познания, как обыденного, так и тем более научного, что и изменило современную философию познания, существенно осложнившуюся, но и разработавшую множество новых конкретных средств и принципов. Многие из

уже существующих как бы заново открыты как средство познания (репрезентация, интерпретация, конвенция, категоризация, коммуникативность или intersубъективность), где субъект и его ценности значимы и способствуют созданию и совершенствованию методов [1; 2].

Этот контекст необходим, чтобы понять, что Шпет значительно ранее многих, либо почти одновременно с известными европейскими философами – герменевтиками, феноменологами, логиками, представителями гуманитарного познания, в первую очередь истории, осознал наступающее изменение в господствующей классической рациональности, а также предельно абстрактной трансцендентальной гносеологии, ее неполноту и недостаточность, необходимость существенного обогащения в целом философии познания. Следует отметить, что трудности этого процесса связаны также с идеалами позитивизма, господствующими в естественных науках, по образцу которых, чтобы получить статус, должны были формироваться и социально-гуманитарные науки. Уже в начале XX в. в полной мере это понимал Шпет, чем и объясняется фундаментальная и обширная проблематика его философских и логико-методологических исследований в сфере гуманитарного, особенно исторического научного знания и герменевтики.

История и логика

Особенно фундаментально Шпет разработал проблему логики в истории, что до сих пор в полной мере не оценено ни логиками, эпистемологами, ни методологами истории. Исследуя проблему на обширном материале – работах европейских философов и логиков предшествующих веков, он с вниманием относился и к размышлениям отечественных историков о природе этой науки. Так, Шпет, ссылаясь непосредственно на историка Д.М. Петрушевского и его статью-предисловие к «Очеркам» издания 1913 г., писал: «Начавшаяся в самое последнее время энергичная работа философско-критического пересмотра основных исторических (социологических) понятий... обещающая очень ценные результаты для общественной философии и науки... успела уже поколебать немало общепризнанных воззрений и давно утвердившихся в исторической науке рубрик, схем и классификаций, показав всю их, в лучшем случае, поверхностность и наивную (в философском смысле) субъективность, и поставила ряд вопросов там, где до сих пор ца-

рила догматическая уверенность и определенность» [4, с. 14]¹.

Шпет исследует науку историю как проблему логики в своеобразном контексте противостояния, с одной стороны, позитивизма как тенденции «к принципиальному отрицанию философии, ...признанию одного только специального знания», а с другой – материализма как «догматическую объяснительную метафизическую систему». И в том, и в другом случае, что важно, «истина, оказывается, не есть, как бытие в действительном мире, а она – только в нашем познании», соответственно, появляется необходимость выбирать между «теорией познаваемого» – реальной истории и «теорией познания» – логикой, методами познания «социального» и «исторического». Ситуация осложняется тем, что «история есть по существу наука не техническая, а *герменевтическая*», т. е. познается «путем интерпретации и уразумения». В отличие от философии истории «история как наука имеет своим предметом тот же исторический процесс, но не в истолковании его онтологического носителя, а в изображении этого процесса в его эмпирическом обнаружении» [4, с. 34]. Подчеркивая эту важную особенность исторической науки, Шпет делает важное, по моему мнению, замечание: «Исторические теории суть не менее теории, чем теории физики или биологии, какие бы свои особенности не имели эти теории и науки. Кажущееся противоречие между единичным и неповторяющимся характером исторических явлений и закономерностью явлений «природы», проистекающей именно из повторения их, является в результате только совершенно произвольного отождествления теоретического и подчиненного «закону». ... История может не быть наукой законоустанавливающей и тем не менее она есть наука объяснительная, т. е. наука, логической задачей которой является установление объяснительных теорий» [4, с. 34]. За этим утверждением я вижу важную проблему статуса исторических законов – критику гегелевского историцизма, осуществленную, как известно, К. Поппером позже, начиная с 1930-х гг. Очевидно, что Шпет не отождествляет и не уравнивает по статусу и происхождению законы природы и законы общества, но вместе с тем настаивает на объективной значимости последних и их возможной (необходимой) объективности в историческом

и социальном научном знании. Он считает необходимым также указать на морализирующую и даже «резонирующую» роль телеологии как целеполагания – своего рода «методологии», пришедшей из религиозных учений в прагматическую историю.

Итак, сто лет назад в 1916 г. Шпет поставил и фундаментально исследовал важнейшую проблему не только для логики, но и для истории, а также гуманитарных и социальных наук в целом. Фундаментальным результатом стало осознание необходимости изменений в понимании, применении и существовании самой формальной логики в различных гуманитарных науках, в первую очередь, истории. В «Материалах» представлены труды на базовых европейских языках сотен европейских историков, философов, одно перечисление имен и представленные переводы занимают до 1000 страниц. Шпет выделяет момент или стадию так называемой *философской истории*, под которой он подразумевает особую роль многовековых философских учений, внимательно относящихся к зарождению новых видов и форм знания. «Сократовский образ «повивальной бабки» включает в себе много истинного. ...момент *философской стадии* в развитии науки есть момент собственно исторический для нее, в противоположность прежнему доисторическому. ... В исторической науке этот момент наступает тогда, когда она достигает стадии спецификации своего предмета и, следовательно, приходит к идее какого-то особенного методологического единства» [4, с. 36] – объяснительной истории, в отличие не только от философии, но и юриспруденции, филологии, богословия и др., т. е. конституирование завершится созданием *научной истории*. Итак, Шпет считает необходимым отметить особую роль философии в процессе становления истории как науки и это тем более необходимо, что взаимосвязь этих областей гуманитарного знания сохраняется с необходимостью при обращении к проблеме места, роли и форм логики в историческом научном знании, что он фундаментально исследовал в 1916 г. и никем в этом не превзойден и поныне.

Исследуя дальнейшее становление исторической науки, Шпет называет *политическую историю*, которая есть изложение «деяний» с определенной точки зрения, и, как всеобщая, приближается к *философской истории*. Привносится и *телеология*, которую я понимаю в его контексте рассуждения как целенаправленное и даже закономерное развитие и его описание.

¹ Составитель тома Т.Г. Щедрина указывает, что Шпет имеет в виду «Очерки...» (1913 г.) Петрушевского.

Она, по Шпету, «остаётся для самого исторического предмета «внешней», т. е. *внешне* предначертанным планом или *внешне* заданной целью» [4, с. 37] (курсив Шпета. – прим. авт.). В контексте победившего историцизма мне это его толкование/понимание представляется важным, он осознаёт момент «привнесения», в частности, из философии, закономерного прогресса в историю и европейскую науку в целом. Он считает необходимым четко развести философию истории и науку историю, у них один предмет – исторический процесс, но разница в том, что у каждой из них своя логика и свои методы. Философия «берёт *тот же* предмет, но не в его эмпирической данности, а в его идее или его идеальной данности. Философия истории остаётся все-таки философией» [4, с. 39]. Следует также уточнить, как это делает сам Шпет, что под философией истории иногда понимают изучение не исторического процесса, а «изучение исторического *познания*, т. е. или соответствующей психологии, или соответствующей логики и методологии». При этом в употреблении терминов «теория исторического знания», «методология истории», «логика истории» в его время, добавлю, как и в наше, существует «полная разногласица».

Обсуждая и намечая во введении предельно значимые проблемы логики и методологии истории, Шпет сформулировал важнейшее и актуальное уже в его время положение: логика и методология истории не есть принципиально новая логика, «это есть та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета. ... История есть наука, а если современная логика для нее недостаточна, то не в силу существенных особенностей этой логики, а в силу эмпирических условий ее развития. Не нигилизм по отношению к истории из этого вытекает, а, напротив, насущное требование пополнить существующие недостатки современной логики. Но принципиально для методологии истории должен быть руководящим постулат: условия истории как науки содержатся в понятии науки, как его определяет логика и как его понимает философия. Современная логика, говорят, есть логика абстрактного, а история – конкретна, логика вообще бессильна перед конкретным, следовательно, и перед историей. Что современная логика имеет недостатки, и что она мало считалась с конкретным, кто же спорит, – но что это относится к ее сущности, что есть нечто, что может быть *выражено*, но, по существу, ускользает от логических и вообще

рациональных форм выражения, это логика у себя называет: *qui nimium probat, nihil probat*². Если только история может быть «выражена», то ее логика существует, но быть выраженной для истории, значит, не что иное как существовать, – если история существует, то значит есть и ее логика» [4, с. 49]. Этому он и посвятил свое многостраничное исследование материалов за несколько веков европейской логики, выясняя особенности ее становления и развития в гуманитарном знании, главное – в европейской науке истории и философии, начиная с XVIII в.

В обстоятельных материалах к истории как проблеме логики Шпет исследует позиции свыше тридцати наиболее значимых и известных европейских логиков и философов, развивая на этом фоне свое собственное принципиальное и концептуальное – методологическое и логическое – понимание отношения логики и истории, место и формы логики, что по-прежнему значимо и актуально. По существу, вопрос этот открыт и сегодня, именно поэтому идеи Шпета требуют специального изучения с позиций уже современной логики, эпистемологии и собственно научной истории. С изданием научно подготовленных и восстановленных материалов появилась возможность опереться на глубокое и принципиальное теоретически и методологически размышление, профессиональный анализ проблемы, поставленной, но не решенной за последние века. Шпет передает ее нам – эпистемологам, логикам и историкам XXI в., что позволяет признать его современным глубоким мыслителем, методологом и универсальным специалистом в этих проблемах.

Проблемы, поставленные Шпетом в философии, методологии и логике истории

Очевидно, что в материалах такого объема, собранного, продуманного и обоснованного для диссертации, таких проблем множество. Они возникали при обсуждении историко-философского, историко-логического материала, собственно методологии и логики истории как науки. Однако их постановка и предлагаемые решения во многом актуальны и сегодня и тем более потому, что они требуют продолжающегося исследования вместе как с развитием и современным состоянием исторической науки, так и с новыми проблемами в самой логике и философии. Шпет подчеркивает, что «со време-

² Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает (лат.).

ни Аристотеля и по настоящее время внимание логики направлялось на изучение общих истин, историческим познанием не занимались, что, пожалуй, и невозможно было по состоянию древней философии» [4, с. 212]. Рассматривая исследования проблемы за века, у конкретных ученых, Шпет обязательно формулирует отношение к позиции *каждого из них*, но одновременно выделяет собственно сами проблемы и высказывает свое отношение к ним, часто предлагая свое видение и возможную дискуссию. Шпет исходил из того, что «если рассмотрение исторической проблемы может способствовать такому расширению и углублению, то оно становится прямо-таки необходимейшей проблемой современной логики» [4, с. 50]³. Однако не менее значимо это исследование стало и для понимания существа и природы исторического знания как науки, что и сегодня остается актуальной и перспективной проблемой как для исследователей истории, так и для эпистемологов и логиков социально-гуманитарного знания в целом. Остановлюсь только на том, что меня интересует как эпистемолога социально-гуманитарного и, в частности, исторического, научного знания, поскольку материал необъятен.

Представлены десятки наиболее известных философов, начиная с XVIII в., в той мере, в какой их идеи и взгляды на историю как проблему логики были значимы и в XX в. Укажу лишь тех, чьи идеи в этой области, как мне представляется, значимы и сегодня. Однако другие представители видят этот период как «неисторический» и даже «антиисторический», история понимается как «беллетристика», и сам И. Кант исключал ее из истории науки. Шпет не согласен не только с такой постановкой вопроса по отношению к истории, но и с оценкой этого века как «неисторического» в целом. При внимательном и тщательном изучении Шпетом этого вопроса обнаружилось, что, кроме Й.М. Хладениуса, взгляды которого представлялись «нетипичным» для XVIII в., окажется, что в этом веке «очень энергично разрабатывались чисто исторические вопросы при помощи исторических методов, ... закладывается фундамент основательной филологической и материальной критики, наконец, что самый предмет истории приводится к тому его пониманию, которое господствует и в XIX, “историческом” веке» [4, с. 66]. Особую позицию Шпет занима-

ет в отношении Ф. Бэкона и Д. Юма. «Логика со времени Бэкона понимается несколько своеобразно: то, что выступает с этого времени как учение об индукции, есть в сущности учение об эвристических приемах отыскания причин. Трудно было бы ожидать углубленного понимания различных научных методов, объяснений, образования понятий, характера причинности и т. д., раз эти принципиальные вопросы вовсе не ставились в логике. ... Проблема причинности, то разрешение, которое она получила у Юма, не могло обосновать ни индукции вообще, ни оказаться сколько-нибудь пригодным специально для логики исторического объяснения» [4, с. 77]. История, по Юму, становилась простым описанием, не представлявшим никакой «логической загадки», и по аналогии с естествознанием должна была искать «законы», что и представлено в его «Истории Англии», написанной на основе эмпиризма. Размышляя об этом, Шпет полагает, что *прагматическое* понимание истории, присущее этому веку, заслоняло научный метод и самый *предмет* исторической науки, и необходимо различать «переходную» стадию между прагматической и научной историей, приведшей не только к философии истории, но и к науке истории [4, с. 92].

Французское Просвещение – существенное продвижение, по Шпету, в развитии методологии истории. Его размышления о Вольтере, Монтескье, Руссо прежде всего отличаются самостоятельной позицией, что определяется задачей именно методологического анализа разных подходов к «философии истории» и наличием авторских принципов оценки такого рода трудов. Заслугу Вольтера перед «историкографией» он видит не в создании очередной всеобщей, универсальной истории, но в определенном ее «рационализировании», поскольку Вольтер выстраивает изложение на основе «некоторого объединяющего начала», «с определенной точки зрения», хотя и это оценивается критически, поскольку такой подход к истории «принципиально не отличается от ее теологического истолкования». Достаточно скептически относясь к трудам Вольтера в целом («много писал, но мало и поверхностно думал»), к неразработанной методике исследования и к «логической методологии», непоясненности введенного термина «философия истории» (он «только автор термина»), Шпет особенно «не прощает» французскому мыслителю того, что «он не продумал до конца отмеченного нами противоречия между организующим государ-

³ Шпет был убежден, что «не будучи историческими, наши исследования могут пригодиться и для исторического построения» [4, с. 67].

ством и воспитывающей национальной культурой. Вольтер не заметил того, что в этом противопоставлении коренится своего рода антиномия, что культура в своем чистом виде, как объект истории, выступает далеко не коррелятивно государству. С уничтожением идеи синхронологического соответствия *должна исчезнуть также мысль, что государство, как такое, является производителем культуры, что организация и есть уже воспитание*» [4, с. 117] (курсив мой. – прим. авт.). Как мне представляется, здесь значима не столько оценка Вольтера Шпетом, сколько высказанная им фундаментальная мысль о том, что государство не производитель культуры, а организация еще не есть воспитание, – мысль предельно значимая, но не понимаемая нами сегодня. Шпет, не приписывая в таком понимании заслуги себе, ссылается на Ж.-Ж. Руссо, который «сам оказался плохим историком и ... не видел перед собою теоретической проблемы в науке истории». Однако Руссо полагал «общество первее государства», а подлинного носителя всего социального он видел в «нации», в «народе», понимаемом им не как простая сумма индивидов, или умственных и волевых единиц, а как некоторый коллектив, представляющий собою предмет *sui generis*» [4, с. 117]. По существу, речь идет о гражданском обществе, значение которого в полной мере осознает, как мне представляется, Шпет, хотя и рассматривает проблему в контексте методологических и философских вопросов исторической науки.

Для сравнения напомним мнение современника Шпета, известного немецкого философа Э. Кассирера, справедливо отмечавшего заслуги Вольтера на пути превращения исторического знания в науку по критериям естественнонаучного знания – то самое «рационализирование», которое подчеркивал и Шпет, в отличие от Кассирера осознававший ее плюсы и минусы, например, неразличение истории политической и культурной, причем последняя не должна быть универсальной. Разумеется, «рационализм» считался существенным признаком подлинно научного знания, но, к сожалению, по Шпету, «Вольтер под этим не понимает ничего», так как имеет в виду только себя, свою деятельность как просветителя и моралиста.

Главная работа Ш.-Л. Монтескье «Дух законов» (русский перевод: СПб, 1900) привлекает Шпета прежде всего потому, что наблюдаются существенные разногласия в ее оценках либо как начала философии истории (Г. Бокль.),

либо как социологического трактата (Н.И. Кареев), либо как истока «исторической школы в праве» (П.И. Новгородцев). Отмечалось также, что ум Монтескье находился под «безусловным господством духа и принципов естественных наук» и «натуралистического детерминизма» (М. Ковалевский, Г. Лансон, В. Дильтей). Шпет четко различает «законы исторического процесса» и «законы юридические» – право, что и рассматривает Монтескье, хотя и не всегда четко их разводит, вопрос же в том, «заключается «дух законов» в их историческом развитии или в чем другом». Самостоятельную эпистемологическую ценность имеет критико-аналитический подход Шпета к сравнительному методу и к тому, как его понимает и применяет Монтескье, от чего, по существу, и зависят столь разные оценки «Духа законов». Если это учесть, по Шпету, то можно справедливо оценить идеи, концепцию и методологию Монтескье. «Не задаваясь сознательно целями исторической методологии», «не имея ничего общего с задачей установления исторического метода или принципов философской истории», он и многие другие мыслители эпохи Просвещения оказали существенное влияние на развитие исторического метода и философии истории, поэтому «они не могут быть опущены в философско-историческом и методологическом исследовании». Очевидно, что это принципиальное методологическое и историко-философское требование Шпета для исследователей эпистемологии и философии науки в сфере социального и гуманитарного знания.

Как мне представляется, Шпет был более точен и справедлив в своих оценках названных просветителей, без лишней восторженности и осовременивания. Он также более строго выдерживал собственно философско-методологическую и историческую проблематику, отделяя от нее, в частности, социологическую. В то же время такое сопоставление точек зрения позволяет увидеть существование своего рода диалога двух соотносимых «по масштабу» европейских мыслителей одного времени – обсуждения сходных или одних и тех же значимых проблем: какую роль играл рационализм в развитии исторической науки; едины ли естественная и историческая науки (против логического дуализма); какими должны быть логика и методология истории, социальных и гуманитарных наук в целом и др. Шпет пришел к выводу, что в эпоху Просвещения «новая история не имеет за собою даже попытки к теоретическому, – логическому, – оправданию.

...Недоверие к истории может быть лучше всего опровергалось положительной творческой работой в самой науке, но этого – мало» [4, с. 126]. Он специально также отмечает, что «произведения... материалистической философии не могут иметь здесь для нас значения, 1, потому, что это чисто объяснительные метафизические трактаты, меньше всего содержащие в себе методологических оснований, 2 ... 3, и это самое важное, потому, что материализм XVIII века есть *следствие* философской слабости Просвещения, а не *основание* его мировоззрения» [4, с. 127]. Шпет обосновывает еще один значимый вывод, исследуя, в частности, идеи Локка, Даламбера об эмпиризме. «Эмпиризм потому не мог увидеть проблемы исторического метода, что он сам заключает в себе исторический метод. Другими словами, *распространение и развитие эмпиризма в XVIII веке само может рассматриваться, как одно из проявлений повышенного интереса этого времени к исторической проблеме и к историзму как принципу*» [4, с. 134] (курсив Шпета. – прим. авт.). Одна из причин этого, как убежден Шпет, состоит в том, что эмпиризм, не обладая средствами для самостоятельного решения вопросов, переносит методы естествознания на всякий объект изучения. Но в таком случае возникает *методологический* вопрос: «Если история есть познание эмпирическое, как познание единичного, она должна отказаться от обычных средств логики, общих понятий, теорий, объяснений?» [4, с. 135] Вопрос «повисает», и необходимо выяснить, «в какой мере рационалистическая философия способствовала или затрудняла развитие исторического метода». «Рационализм, так тесно связанный с *логикой*, должен был бы натолкнуться и на проблему исторического познания», что детально и критически рассмотрено Шпетом. В конечном счете он приходит к важному выводу: «Историческое познание, хотя и есть познание об единичном, однако оно выражается в общей логической форме и, следовательно, у нас нет специфически исторических суждений, как особого типа суждений»⁴. Однако для методологии и логики не только философского, но и «единичного» как *логической* проблемы исторического познания, это значимо для обоснования его научного статуса, как и необходимости *расширения логики*.

Чтобы показать, как основательно он это делает по отношению к многим десяткам философов и историков, а главное – увидеть наиболее значимые и актуальные идеи для современной

логики и методологии исторического, в целом гуманитарного и социального знания, я обращаюсь вслед за Шпетом, в частности, к идеям Й.М. Хладениуса, одного из наиболее близких к данным проблемам, глубокого их исследователя уже в XVIII в. [4, с. 224]⁵. Можно согласиться со Шпетом в признании значимости его работ для рассматриваемых сегодня проблем логики и науки. Его случай – пример того, как важные идеи логики, философии по проблемам истинности знания не привлекали веками внимания, в том случае, когда они касались гуманитарных наук, в частности истории, и особенностей логики социально-гуманитарного знания. Под словом «наука» признавалось до последнего времени только естествознание, что укрепилось тем более во времена господства позитивизма. Надо было быть таким эрудированным и глубоким, преданным исследователем гуманитарных наук, как Шпет, чтобы обратить внимание на фундаментальные тексты профессора богословия Хладениуса, а главное – на поставленные в XVIII в. проблемы, значимые для логики и истории, обретающие все большее признание сегодня. Привожу некоторые выделенные Шпетом более века назад положения, которые защищал Хладениус. Наука об историческом познании составляет часть логики, введение изучения исторического познания обогащает общую логику, но без нее невозможно и само историческое познание, и наблюдение происходящих событий. Историческое объяснение принципиально отличается от физического, в котором исследователь устанавливает «*абстрактные* постоянные отношения или законы; конкретное рассмотрение отношений привело бы к антифизике. Не то в историческом объяснении, где именно в силу *конкретности* предмета и его объяснения указания с исчерпывающей полнотой не только действующих причин, но и так называемых условий и отрицательных причин, есть необходимое логическое требование. Таким образом, в историческом объяснении, по Хладениусу, мы наталкиваемся на целый ряд затруднений, которые логика вовсе не предвидит или игнорирует» [4, с. 237]. Так, «обнаруживается громадное различие: в общих истинах одно следует из другого, или одно уже содержится в другом; в истинах исторических ни в коем случае

⁴ «Расширение логики» сегодня привело к новой проблеме – неформальной логике.

⁵ Основные его работы, на которые ссылается Шпет: *Logica practica* (1742) и *Allgemeine Geschichtswissenschaft* (1752). Идеи и положения этих работ рассматриваются Шпетом достаточно подробно именно с точки зрения логики и исторического познания.

нельзя утверждать, что *последующее* содержится в *предшествующем*. ... Поэтому с самого начала мы различали *историю* от *познания* истории, откуда возникает величайшее различие между познанием *общим* и *историческим*. Первое есть исключительно *человеческое познание* и произведение человеческого ума, *история* не есть человеческое познание, она происходит и тогда, когда никого нет, кто бы ее познавал» [4, с. 238]. Богатейшие, по сути, базовые, идеи Хладениуса мало известны сегодня как историкам, так и эпистемологам, и исследования Шпета, его переводы и обстоятельный комментарий – основа для изучения и осмысления проблемы логики исторической науки. Однако конкретное развитие логики гуманитарных наук, истории в частности, пошло по другому пути, что Шпет обстоятельно и исследовал в своих «Материалах» более века назад.

Шпет немало страниц посвятил Канту, его статье «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения» (1784) и ряду других текстов и проблем, но, как мне представляется, великий специалист по проблемам познания не увлек его своими идеями об историческом познании. Прежде всего он развел позиции И.Г. Гердера, историка, автора известного фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791, русск. перевод 1977), и Канта, поскольку они резко разошлись в понимании истории. Обращение Шпета к Гердеру имело целью показать, что он, ушедший в богословие, был завершением эпохи Просвещения и после него история стала иметь «совершенно *новый* характер», однако не связанный с идеями Канта. Это означает, что Шпет не переоценивает роли Канта в исследовании проблематики исторической науки. Он считает его, прежде всего, недостаточно сведущим собственно в исторической науке и ее логике, однако ценит ряд важных высказанных им положений. Особенность кантовского подхода к истории в том, что он признает влияние природных факторов базовыми и определяющими для истории общества.

Шпет достаточно подробно показывает, как эта мысль развивается в работах Канта, в частности, в его «*Idee zu allgemeiner Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*» (1784) [4, с. 305–320]⁶, где он исходит из того, что «человеческие по-

ступки, точно так же как и всякое другое естественное событие, определяются по общим естественным законам. ... Отдельные люди и даже целые народы... следуют цели природы, – которая им даже неизвестна, – как руководящей нити...» [4, с. 305] Внимательно изучая ход мысли Канта в этой работе, считающейся главным философско-историческим произведением Канта, Шпет приходит к выводу о его позиции: «*философия истории, как рациональное учение об истории, невозможна; наука истории, как собственно наука – невозможна* (курсив Шпета. – прим. авт.); самое большее, что здесь возможно, это – писание и систематическое изображение по времени и месту, далекое от ранга науки. ... спрашивать после этого, как возможна история, как наука, лишено смысла... Мы приходим, другими словами, по отношению к истории как науке к чистому *логическому нигилизму*...» [4, с. 307]⁷. Однако, приходит к выводу Шпет, «Кант преследует в своей “Идее” иную цель, он хочет найти «руководящую нить» для будущих Кеплера и Ньютона истории, мало того, настаивает на том, что в истории может быть открыт «правильный ход» и даже «законы природы» [4, с. 307]. Итак, для Канта история, как антропологическое знание, т. е. *практический разум*, должна развиваться подобно естественным наукам и образец для нее – деяния крупнейших естествоиспытателей. Очевидно, что тема «Кант и история как наука» недостаточно изучена, несомненно, значителен вклад Г.Г. Шпета в исследование этой темы, как и «истории как проблемы логики», но мало замечен интерес к этим проблемам у современных методологов-историков и эпистемологов гуманитарного знания.

Рассмотренные проблемы – лишь часть из множества серьезных и плодотворных методологических проблем исторического знания, поставленных и исследованных Шпетом. Выше рассматривалась история как проблема логики (методологии), но не был затронут один из базовых вопросов – особенности самой «логики эмпирических наук, которая есть прежде всего логика истории», какова ее природа и как она соотносится с классической логикой. Для него очевидно, что «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое, требующее понимания. Логика исторического познания ... есть логика принципиально семасиологическая,

⁶ Следует отметить, что перевод на русский сегодня – «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1994), тогда как Шпет переводит «*in weltbürgerlicher Absicht*» как «в космополитическом отношении» и поясняет понимание этого термина Кантом, использующем в тексте в этой его форме.

⁷ В примечании 11 Шпет добавляет: в «Критике чистого разума» он «уже отрезал все пути выхода к истории как науке».

принципиально всеобъемлющая. Но через это и философия как знание, излагаемое по этой логике, становится в особо углубленном смысле исторической философией или также герменевтической, уразумевающей философией. Такова печать логики на философию» [5, с. 304–305].

Несомненна необходимость обратиться ко второй части труда «История как проблема логики» Г.Г. Шпета, где им исследуются проблемы более близкого к нам периода, в том числе и актуальные сегодня, что предполагается рассмотреть в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.
2. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 327–345.
4. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования Ч. 1. Материалы. М.–СПб.: Университетская книга, 2014.
5. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–336.
6. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.
7. Щедрина Т.Г. Публикации или реконструкции? Проблемы текстологии в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 130–140.

REFERENCES

1. Mikeshina, L.A., 2016. *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdistsiplinarnye sintezy* [Modern epistemology of knowledge in the humanities: interdisciplinary syntheses]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. Mikeshina, L.A., 2007. *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
3. Heidegger, M., 1993. *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. In: Heidegger, M., 1993. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moskva: Respublika, pp. 327–345. (in Russ.)
4. Shpet, G.G., 2014. *Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy* [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva–Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
5. Shpet, G.G., 1994. *Mudrost' ili razum?* [Wisdom or reason?]. In: Shpet, G.G., 1994. *Filosofskie etyudy*. Moskva: Progress, pp. 222–336. (in Russ.)
6. Shpet, G.G., 2009. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoy* [An essay on the development of Russian philosophy. II. Materials. A reconstruction by T.G. Shchedrina]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
7. Shchedrina, T.G., 2008. *Publikatsii ili rekonstruktsii? Problemy tekstologii v istoriko-filosofskom issledovanii* [Publications or reconstructions? Problems of textology in the field of history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 130–140. (in Russ.)

О.Л. Грановская*

ЛЕВ ШЕСТОВ И ИСАЙЯ БЕРЛИН:
ФИЛОСОФИЯ ТРАГЕДИИ И КОНФЛИКТА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Данная статья представляет собой историко-философское исследование, посвященное особенностям философии на перекрестках культур на примере точек пересечения фигур с мультикультурной идентичностью – И. Берлина и Л. Шестова. Основная задача исследования – поместить философию русского зарубежья в исторический и смысловой контекст и проследить некоторые закономерности и особенности мировоззрений ее представителей. Ключевой тезис статьи – схожесть экзистенциального мультикультурного опыта вызывает к жизни схожие основные философские установки. Берлин и Шестов характеризуют ситуацию человека, как ситуацию экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. Автор проводит последовательный историко-философский и компаративистский анализ идей Берлина и Шестова: о назначении философии, критики монизма Просвещения и идеи рационального единства, природы человека, веры и либерализма.

Ключевые слова: история философии, русское зарубежье, Л. Шестов, И. Берлин, сионизм, ценностный плюрализм, вера, либерализм

Leo Shestov and Isaiah Berlin: philosophy of tragedy and conflict at the crossroads of cultures. OLGA L. GRANOVSKAYA (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the study of the intersections between the ideas of two philosophers with multicultural identity – Isaiah Berlin and Leo Shestov. The main task of the research is to place the philosophy of the Russian overseas diaspora in a historical and semantic context and to trace certain patterns and peculiarities of the worldviews of its representatives. The key thesis of the article is that the similarity of existential multicultural experience brings to life similar basic philosophical attitudes. Berlin and Shestov characterize human situation as a situation of existential choice and moral tragedy. Life is determined by tragedy and creativity that go hand in hand, individual ability to create is rooted in despair and inability to find the universal foundation of the world, to bring the world into harmony with one's own ideas and expectations. The author conducts a consistent comparative analysis of Berlin's and Shestov's ideas regarding the appointment of philosophy, criticism of the Enlightenment Monism and the idea of rational unity, human nature, faith and liberalism.

Keywords: history of philosophy, Russian emigration, L. Shestov, I. Berlin, Zionism, value pluralism, faith, liberalism

* ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: granovskaya.ol@dvfu.ru

© Грановская О.Л., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01132.

Исайя Берлин (1909–1997) был младшим современником Льва Шестова (1866–1938). Этих двух философов связывает сходство экзистенциального опыта: евреи, родившиеся в России, пережившие революцию и эмиграцию. Люди мультикультурной идентичности, находившиеся на перекрестке культур и мировоззрений, продолжением которой стало их философское мировоззрение. Возможно, именно поэтому в их идеях так много общего.

И. Берлин пережил революцию будучи ребенком, стал рыцарем британской королевы и признанным интеллектуалом. Однако память о трагическом времени революции, страх перед физическим насилием и недоверие политическим экспериментам никогда не оставляли его. Может быть, поэтому его философия – это философия изначальной моральной трагедии, необратимой утраты ценностей и конфликта истин.

Философия Льва Шестова – это также философия трагедии, выросшей во многом из экзистенциального опыта философа, на долю которого выпало немало потрясений – в двенадцатилетнем возрасте он был похищен анархистами и шесть месяцев являлся заложником (отец отказался платить выкуп преступникам), но вернулся домой невредимым. Лев Шестов не хотел помогать отцу вести семейный торговый бизнес, он тяготился этим, как и Берлин, из-за чего чувствовал постоянный груз вины. Он был старшим сыном, имел соответствующее образование, но «не оправдал надежд семьи». Вместо этого он увлекается философией и отходит от ортодоксальной иудейской традиции. Кроме того, как свидетельствует новое исследование неизвестных писем Льва Шестова, проведенное Натальей Громовой, источником его отношения к иудаизму и трагедийности его мировоззрения также являются непростые отношения с семьей в результате сложившегося в жизни Шестова любовного треугольника и тайной женитьбы (см.: [7]).

Отношения Исайи с иудаизмом также были неоднозначны. Неверующий скептик Берлин считал, что еврейство – это идентичность, которую можно ставить под вопрос, но от которой нельзя избавиться и через которую невозможно переступить [15, р. 80]. В 1939 г. в жизни философа произошла важная встреча – он знакомится с лидером сионистского движения и будущим первым президентом нового государства Израиль Хаимом Вейцманом. После этой встречи английский дипломат Исайя надолго окажется внутри сложного клубка противоречивых инте-

ресов: сионистов, простых евреев, страдающих от большой политики, войн и геноцида, и колониальных интересов Великобритании. Этот личный опыт привел Берлина к идее противоречивости целей и ценностей, невозможности утраты, возникающей в результате этического и политического выбора, которая становится центральной в его концепции агонального либерализма (см.: [5; 6]).

Шестов, как и Берлин, находился на перекрестке культур, ценностей, интересов. Далеким от ортодоксального иудаизма, он живо интересовался проблемами еврейского мира, восторженно относился к сионизму. В 1898 г. он по просьбе отца присутствует на втором конгрессе сионистов в Базеле. Шестов обращается к библейским пророкам [12, с. 226], видя в них ключевой источник своей религиозной философии. Его идеи пользовались огромной популярностью в кругах Израильского рабочего движения, что способствовало усилению в нем немарксистских тенденций.

Многие исследователи (Дж. Грей, Б. Дубин, А. Маколкин) [19, с. 103; 21] отмечают, что трагедийный элемент в мировоззрении обоих мыслителей связан с их «иудейско-русской идентичностью». Главной задачей философии Шестова было противопоставить абстрактной, общеобязательной истине истину личную, субъективную, путь к которой ведет через трагедию и отчаяние. Эта идея перекликается с берлиновской критикой рационалистической трактовки человеческой идентичности, традиционной для всех теорий либерализма. Он предлагает лишенное центра понимание самости. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми посредством выбора. По своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна, и тем самым «обескровлена».

Шестов считает, что человек, как существо, живущее в двух мирах – «земном» и «небесном», находится постоянно в ситуации экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь человека определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. И в вере, и в философии человек постоянно пытается «восстановить разбившееся у него на глазах единство мира, связать распавшуюся связь времен» [8].

Берлину, конструирующему постпросвещенческий проект, импонирует мысль Шестова о том, что человек принадлежит к двум мирам. Первый – привычный, милый и комфортный, второй – хаотический, чужой и суровый. Людям, пока они не переживут пограничной ситуации, кажется, что жизнь есть только в уютном мире, а в мире суровом есть «только смерть и небытие, никому не нужное, извне навязанное» [10]. Однако неподвижность и жесткость противоречит духу жизни, которая ничего индивидуального заранее не планирует, но каждый раз «вся изливается в настоящую минуту» [4] и, даруя людям способность к наслаждениям, ничего не гарантирует и ни за что не несет ответственности. Природа – вечное обновление, вечная молодость, непрерывное движение.

Из такой предпосылки происходит понимание этими двумя назначения философии, которое состоит в том, чтобы, исследуя смысл жизни человека, найти способ выхода из трагедии, «научить человека жить в неизвестности» (Шестов) [10] и «помочь человеку понять себя и тем самым действовать в открытом пространстве, а не наугад в темноте» (Берлин) [16]. Оба считали, что задача философии (говоря словами Шестова) – «не успокаивать, а смущать людей» [10]. Философия, с точки зрения Берлина, не должна удовлетворять «глубокую и неизлечимую метафизическую потребность человека» [18, р. 198.] в наличии абсолютного основания мира. Центральная идея Берлина, идея плюрализма ценностей, лишает людей метафизического комфорта, поскольку утешительно думать, что наша форма жизни гармонирует с каким-то универсальным основанием, что она вписана в рациональный, естественный или исторический порядок.

Философия И. Берлина своим пренебрежением к гармоничным системам возвращает людей в беспокойное состояние смертных мужчин и женщин, и, проясняя основные «категории мысли», философия в то же время помогает человеку совершать осознанный моральный выбор. Это очень напоминает шестовскую философию «только для тех, кто не подвержен головокружению!» (эта фраза стала эпиграфом к «Апофеозу беспочвенности» [10]).

Вторая точка пересечения этих двух философов – критика монизма Просвещения и идеи рационального единства. Они считали, что идея рационального единства не просто логически несостоятельна, но и токсична для поразительно многообразной жизни, намного более слож-

ной, чем наши представления о ней. С точки зрения Берлина и Шестова, рационалистские теории, пытающиеся облечь жизнь в свою смиренную рубашку, обедняют экзистенциальный опыт людей.

Казалось бы, Берлин должен ссылаться на Шестова в своих работах, но он знакомится с этим автором лишь после его смерти и прямо его в своих текстах не цитирует. Только в интервью, данном Иохану Янгеблу, Берлин отмечал, что Шестов – совершенно достойный, открытый и искренний человек (см.: [15, р. 17]). Берлин восхищался Шестовым, интереснейшим представителем Серебряного века русской культуры, однако сожалел, что открыл его для себя не сразу. Тем интереснее пересечение их идей, разговор на одну тему, но разным философским языком. Берлин говорит языком аналитической философии, а Шестов – языком религиозного экзистенциализма. Но оба разделяют один взгляд на личность, человека, историю.

Философия Шестова экзистенциальна, в ее центре – одинокое «Я» человека, которое противится слиянию с единым. Личность стремится отстоять свое право на уникальность, на собственную картину мира. Берлина также можно, в известном смысле, назвать экзистенциалистом: он считал, что ценности не являются данностью или продуктом традиции, а создаются людьми, посредством совершаемого выбора. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми через выбор, и по своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна или всеобща. История показывает: нет никакой постоянной по своему содержанию человеческой природы, есть чрезвычайно изобретательные существа, обладающие огромным культурным разнообразием. Человек не может быть объяснен какой-либо детерминистской схемой, он создает разнообразные и равноправные формы жизни посредством способности выбирать. В деле самосозидания значение выбора огромно, поскольку по крайней мере некоторые формы культурного многообразия рождаются из выбора между несовместимыми ценностями.

Формула Спинозы – существование меняется, но сущности остаются неизменными – ядро субстанциализма. Субстанциалистски интерпретированная «природа человека» – это некий аналог субстанциализма (такого исторического типа философии, который имел дело с миром вечных сущностей, подчиняющихся неизмен-

ным законам) применительно к человеку, фиксирующего в человеке то, что всегда, во все времена и при всех обстоятельствах необходимо ему присуще. Историзм стал тем ферментом, который разложил субстанциалистский тип философствования. С позиций радикального историзма пред-данной, внеисторической сущности человека нет и быть не может. Есть лишь формирующееся и преобразующееся в процессе исторического развития содержание человеческой сущности. Экспрессионизм и волюнтаризм философии романтизма укрепляют плюрализм Берлина, помогают ему разрушать философскую антропологию Просвещения, унаследовавшего идеи классического субстанциализма и рационализма. Из непризнания идеи совершенного общества и глобальных, трансисторических суждений о прогрессе и регрессе вытекает идея присутствия в истории «невозполнимой утраты» (loss), исчезновения ценных достижений и видов деятельности, которые зависят от обреченных социально-политических структур или от различных систем взглядов.

Свобода – центральная категория мысли как у Шестова, так и у Берлина. Шестов считал свободу личности необходимым условием жизни человека, ценностью, стоящей рангом даже выше, чем сама жизнь. Религиозная вера, с точки зрения Шестова, освобождает человека от власти «самоочевидных истин», являясь прыжком в область абсолютной свободы. Именно вера помогает преодолеть идею единства, приносящую миру столько вражды, сколько не приносит никакая другая идея. По Берлину, негативная свобода – основная ценность, поскольку является необходимым условием конструирования человеком уникальных жизненных форм, в том числе таких, в которых разум и автономия не является ценностью. Эти двое как будто выступают в роли эха друг друга, настолько созвучно основное содержание их мыслей. Как политический философ Берлин выходит из трагедии в либерализм, Шестов, как религиозный экзистенциалист, – в веру.

Как религиозный философ Шестов спорит с Бердяевым и Соловьевым о идее всеединства, а Берлин спорит со своим другом Айером и другими аналитическими философами, представляющими сциентистское направление современной философии. По Берлину, лишь живая мысль, не испорченная мифом научного познания и понимающая всю красоту и весь трагизм жизни, в состоянии помочь человеку найти себя в ситуации перманентного конфликта и траги-

ческих потерь. Согласно Шестову, разум, который стремится открыть непреложные истины и предельные основания, избегающий неопределенности жизни, не может иметь ничего общего с экзистенциальной философией, поскольку последняя в отличие от научного мышления, стремящегося заполнить лакуны проблематичного, и в отличие от религиозного сознания, заполняющего сомнение догмой, должна принять на себя риск радикальной открытости.

Еще один важный общий для этих двух мыслителей момент – их стиль философствования, который соединяет историю идей и авторские находки, зачастую весьма противоречивые. «Основная черта художественного творчества – совершенный произвол во всем», – так утверждает Шестов в «Великих канунах» [11]. Берлин, не создавший философской системы, очевидно, соглашался с этой идеей. Оба не любили всякую систематичность, полагая, что она убивает мысль.

Берлина всегда интересовал конкретный анализ проблем «политического человека», политики как таковой. Предмет его теоретических интересов – действительность, рассматриваемая под углом соответствия (или несоответствия) его основному аксиологическому и методологическому принципу – плюрализму. Охватывая своей мыслью широчайшую область наук (философия, история, этика, политология), Берлин не стремился к завершенности, как будто намеренно не желая скреплять отдельные стороны своего мировоззрения жесткими связями и переходами. Работы его объединены, скорее, общей идеей, подходом, нежели строгой логикой. Его идеи плохо поддаются историко-философской утилизации, в эссе и скетчах угадывается предчувствие принципиальной антиномичности теорий.

Свои мысли Берлин часто излагал посредством анализа творчества других философов, однако его тексты, при всей глубине и тонкости анализа, не дают адекватного представления о героях его внимания, поскольку всегда доминирует голос самого Берлина. Макиавелли и Вико, Гердер и Гаман, Толстой и Герцен, Плеханов и Маркс и т. д. – круг общения Берлина предельно широк, хотя и изысканно избран. Берлин пишет не о том или ином герое: своими текстами он пишет себя.

Традиционной для работ Шестова была форма философско-психологического анализа творчества того или иного писателя (Достоевского, Толстого, Чехова, Мережковского, Со-

логу), позволявшая ему постепенно обрисовывать свою позицию. «Шекспир и его критик Брандес», где намечаются ключевые проблемы творчества философа (ограниченность научного познания, критика общих идей и систем мировоззрения, закрывающих от наших глаз реальную жизнь во всем ее многообразии; критика формальной, принудительной морали, универсальных нравственных норм), прекрасный тому пример (см.: [14]). В круг интересов наших героев входили общие собеседники, например, Г. Гейне, чьи слова «Мир и жизнь слишком фрагментарны» стали эпиграфом к первой части «Апофеоза беспочвенности» и могли бы стать эпиграфом ко всей философии Берлина.

Другое важное созвучие – это идея о том, что жизнь удивительно многообразна, она превосходит наши возможности понимания, представлений о ней; ее невозможно поместить в прокрустово ложе создаваемых нами познавательных схем. Только ответственное личное мышление, не загипнотизированное мифом научного познания мира и готовое принимать жизнь такой, какова она есть, со всей ее красотой и трагизмом, в состоянии помочь одинокой человеческой личности не потерять себя среди тягот существования.

«Стремление *понять* людей, жизнь и мир мешает нам *узнать* все это. Ибо *познать* и *понять* – два понятия, имеющие не только не одинаковое, но прямо противоположное значение, хотя их часто употребляют как равнозначные, чуть ли не как синонимы. Мы считаем, что поняли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения» [10].

«А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет – остается предположить, что она в переменчивых человеческих вкусах» [10]. Ценности постоянно приходят в конфликт, сущностно несовместимы и несоизмеримы в том смысле, что они, во-первых, претендуют на универсальный статус, во-вторых, они взаимно противоречивы, таким образом, индивидуальный разум бессилен перед ценностным конфликтом (Берлин).

В основе плюрализма Берлина лежит ограничивающее понятие общечеловеческого горизонта ценностей, с его помощью ценностям придается объективный характер. Человек – не

только индивидуальный, но и коллективный субъект. Люди создают уникальные мыслительные и дискурсивные формы, каждая из которых обладает своей собственной историей. Именно эти формы придают этическому суждению достоверность. Только в границах интерсубъективного ценностного горизонта человек может формировать идентичность. Говоря словами Герцена, это «условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком» [4]. В основе принципиального плюрализма Шестова лежит принцип доверия к жизни: «В конце концов, выбирая между жизнью и разумом, отдаешь предпочтение первой» [10]. Из этого тезиса следуют как критика научного мировоззрения, так и допущение множественности истин.

Другой общей темой для Берлина и Шестова была тема своеобразия культурно-исторического и интеллектуального развития России. Глубоко зная особенности русской и западной культур и сравнивая их, оба философа приходили к очень похожим выводам. Общей для них была мысль, согласно которой идеи немецких романтиков и социалистов воспринимались в России с некоторой долей фанатизма, вызванного интеллектуальной изолированностью России и интеллектуальным голодом: «...В крупнейших городах Российской империи царил жесточайший, требующий любой умственной пищи интеллектуальный голод, а вместе с ним – не имевшая себе равных искренность (а то и обезоруживающая наивность) чувств, свежесть мысли, страстная решимость участвовать в решении судеб мира при весьма смутном понимании социальных и политических проблем своей огромной страны и отсутствии каких бы то ни было связей между этим новым состоянием умов и окружающей их реальностью» [3].

В другой своей работе (см.: [1]) Берлин продолжает эти мысли. По его мнению, в такой стране как Россия, отрезанной от Запада по причине великого средневекового религиозного схизма, получающей очень мало идей извне, с низким уровнем грамотности, практически любая идея, пришедшая с Запада – при условии некоторой первоначальной привлекательности – попадала на изумительно богатую и девственную почву и воспринималась с такой страстью, которую трудно вообразить на Западе. Ситуацию в России во второй четверти XIX в. Берлин характеризует как полный духовный вакуум, в котором жило большое количество наивных и необразованных людей, многие из которых стремились к свету. Это объясняет то, что почти любая идея –

не важно, насколько невероятной и сомнительной она была – находила отзыв.

Именно этой ситуацией Берлин объясняет склонность русских к теориям и доктринам, при этом он подчеркивает, что они воспринимались ими не просто как что-то интересное или забавное, но как источник спасения, способ достигнуть лучшей жизни. Молодые люди становились западниками только потому, что они изнемогали под игом, не позволявшим им получить нормальное образование, которое, как они думали, становилось все более и более доступным населению Запада. В результате они идеализировали Запад. Подобно просвещенным мыслителям Франции и Германии, они считали, что только посредством критической мысли может быть преодолено господство предрассудка, предубеждения, традиции, догмы, слепого подчинения, деспотических правил и раболепия. Они верили в современную науку и в прогресс человечества. Обнаружив, что некоторые западные мыслители – в особенности после неудачи Французской революции – отказались от разума и науки и обратились к иррациональным источникам: религиозным и эстетическим, догматическим и интуитивным, некоторые русские также подверглись этому влиянию, но большая часть тех, чьи взоры были устремлены на Запад, в конечном счете сочли этот путь ложным, предательством настоящего в угоду прошлому.

В «Апофеозе беспочвенности» Шестов тоже рассуждает на тему своеобразия пути России. Шестов, как и Берлин, считал, что причина интеллектуальной и культурной уникальности России в том, что русские «в короткое время огромными дозами проглотили то, что европейцы принимали в течение столетий, с постепенностью, приучающей ко всякого рода ядам, даже самым сильным. Благодаря этому, пересадка культуры в России оказалась совсем не невинным делом. Стоило русскому человеку хоть немного подышать воздухом Европы, и у него начинала кружиться голова. Он истолковывал по-своему, как и полагалось дикарю, все, что ему приходилось видеть и слышать об успехах западной культуры. Ему говорили о железных дорогах, земледельческих машинах, школах, самоуправлении, а в его фантазии рисовались чудеса: всеобщее счастье, безграничная свобода, рай, крылья и т. д. И чем несбыточней были его грезы, тем охотнее он принимал их за действительность» [10].

В своей статье «Рождение русской интеллигенции» Берлин пишет: «Но если на Западе по-

добные идеи распространялись уже много лет и философские, социальные, политические теории и мнения по меньшей мере с Ренессанса перемешивались и соединялись друг с другом, образуя самые разные сочетания и складываясь в общий процесс многосторонней интеллектуальной активности, где ни одна идея или точка зрения не могла претендовать на сколько-нибудь длительное превосходство, – в России все было совершенно иначе» [3]. Впечатление такое, что эти цитаты составляют текст, написанный одним человеком – настолько они стилистически и концептуально похожи.

Рассуждая о таком феномене культуры, как русская интеллигенция, оба говорят, что именно идейный вакуум, длящийся столетиями, стал источником радикализма и даже экстремизма мировоззрения русской интеллигенции, а также ее необыкновенной искренности. Когда Запад понял, что нужно обустривать только землю, и начал разрабатывать идеи и идеалы, русские все еще верили в магию и чудеса и думали, что железные дороги – это только начало нянькиных сказок (Шестов).

Отдельная созвучная тема у этих авторов – понимание русской интеллигенцией своей социальной миссии. Оба отмечают, что интеллигенция – чисто русское явление, поскольку на Западе писатели и поэты не считали, что являются носителями некой особой социальной функции. Как верно замечал Берлин, если бы вы были французским или английским писателем XIX в., вы относились бы к себе как к поставщику определенной продукции, такому же, как многие другие поставщики. «Так думали французские писатели, сторонники теории чистого искусства (искусства для искусства). Они считали, что их бизнес – просто писать на языке (насколько ясном, выразительном и красивом, каким они его могли сделать), они считали себя просто ремесленниками, людьми, производящими какой-либо продукт и желающими, чтобы их оценивали только в связи с этим продуктом» [17]. Их личная жизнь, убеждения и поведение не были делом общественности и критиков. Такая точка зрения яростно отвергалась представителями русской интеллигенции. Идея, что люди играют в обществе определенные роли (согласно которой писателя должны оценивать только с точки зрения заслуг его романа или поэмы), отвергалась многими знаменитыми русскими писателями, поскольку они считали, что человек наделен целостной натурой и что разделение любой формы калечит людей и яв-

ляется искажением правды. В этом, по мнению Берлина, заключается фундаментальное различие взглядов типичных русских и западных писателей. И эта идея – отличительный признак и центральная концепция русской интеллигенции.

Ему вторит Шестов: «Мы хотим щедрой рукой зачерпнуть из бездонной вечности, все же ограниченное – удел европейского мещанства. Русские писатели, за немногими исключениями, совершенно искренне презирают мелочность Запада... Даже эпоха 60-х годов, с ее “трезвостью”, была, в сущности, самой пьяной эпохой. У нас читали Дарвина и лягушек резали те люди, которые ждали Мессии, второго пришествия» [10].

Такое миссионерство передалось русскому большевизму. «Россия спасет Европу – в этом глубоко убеждены все “идейные” защитники большевизма. И спасет именно потому, что в противоположность Европе она верит в магическое действие слова. Как это ни странно, но большевики, фанатически исповедующие материализм, на самом деле являются самыми наивными идеалистами. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. Они убеждены, что слово имеет сверхъестественную силу. По слову все делается – нужно только безбоязненно и смело ввериться слову. И они вверились. Декреты сыплются тысячами» [13, с. 49].

Эту мысль как будто продолжает Берлин. «Действительные члены интеллигенции были политическими памфлетистами, поэтами с сильной гражданской позицией, провозвестниками русской революции – в основном журналисты и политические мыслители» [17], которые совершенно сознательно использовали литературу, иногда не самые лучшие ее примеры, как двигатель социального протеста.

И Берлин, и Шестов совершенно отчетливо видят парадоксы русской утопии: отменив свободу и право, пришедшие к власти революционеры стали подражателями свергнутого режима, верными хранителями традиционных политических схем и прежних бюрократических рецептов. Все пороки старой власти перешли по наследству «государству нового типа»: это и невероятно раздутый бюрократический аппарат, и детская вера «в палку, в грубую физическую силу» [13, с. 52], и эксплуататорский характер новой элиты, и патерналистски-пренебрежительное отношение к народу.

В статье «Молчание в русской культуре» Берлин писал, повторяя мысль Герцена (мрачно

и точно говорившем о судьбе коммунизма в России еще в начале 1850-х гг.), что большевизм – это «царизм наоборот». «Царизм наоборот», с точки зрения английского философа, обязан своим появлением непосредственно Ленину, на которого оказали влияние «особые обстоятельства российской жизни», порождающие необходимость в религиозном, мессианском учении – необходимость, которую марксизм вполне удовлетворял. «Однако Ленин привнес в марксизм требование сурового подчинения: партия, в его интерпретации, больше всего похожа на секту, строго управляемую и требующую от ее членов, чтобы те принесли в жертву самое дорогое, ... причем эффект достигался тем успешнее, чем яснее демонстрировалось презрение к традиционной морали. Здесь чувствуется железный фанатизм, приправленный сардоническим смехом и мстительным попранием либерального прошлого, который претил многим соратникам Ленина, но привлекал таких его учеников, как Сталин и Зиновьев» [2, с. 125].

Результат большевистской революции старшему современнику Берлина Шестову видится не менее отчетливо: сделав однажды ставку на внеэкономическое, силовое принуждение, руководители победившей партии и впредь будут вынуждены следовать этому пути, неизбежно воспроизводя бывшие социальные отношения, те самые, которые они столь непримиримо осуждали. «Ясно, что выход один: с одной стороны, должны быть не работающие, привилегированные классы, заставляющие других строгими, беспощадными мерами сверх сил работать, а с другой стороны – непривилегированные, бесправные люди, которые, не щадя здоровья и жизни даже, должны нести свой труд и свое имущество на пользу “целого” ... Иначе – возврат к старому бесправию и к старой, так хорошо знакомой нищете» [13, с. 116].

Можно найти пересечения у этих двух философов и в таких, казалось бы, параллельных темах, как вера (Шестов) и либерализм (Берлин). Вера понимается Шестовым необычно, «не как доверие к раз усвоенным истинам, не как безусловное признание некоего авторитета» [8], а как результат убежденности человека в отсутствии единой истины и «метафизического утешения». По Шестову, когда человек убеждается в слабости и несовершенстве собственного разума перед лицом жизни, в своем одиночестве в непонятном и непостоянном мире, лишенном справедливости и не дающем основания для надежды, он приходит к вере.

«И именно то, что выводит нас из нашего обычного равновесия, что разрывает на бесконечно малые части наш опыт, что отнимает у нас радости, сон, правила, убеждения и твердость, все это – есть вера» [11].

Для Берлина, как для политического философа, рассматривающего все через призму построения определенной философской модели, позволяющей теоретически осмыслить политическую действительность в свете определенной перспективы самоутверждения политической общности, с которой он сам себя идентифицировал, либерализм является аналогом веры Шестова. Характерной чертой берлиновского либерализма является то, что, оставаясь преданным таким ценностям Просвещения, как толерантность, свобода и освобождение людей от угнетения и невежества, он в то же время отвергал концепцию Просвещения, согласно которой универсализация является стремлением человека, а рациональное общество, в котором партикуляризм будет преодолен, – телосом и концом истории.

Берлин, таким образом, становится «либеральным ироником» (Рорти) [9, с. 88], т. е. человеком, который понимал случайный характер своего дискурса и, таким образом, случайный характер своей совести и своего сообщества. Берлин предлагал отказаться от поисков универсальных оснований либерализма и признать, что либерализм – это одна из многих форм жизни. Если это так, то идентичность участников либеральной формы жизни имеет случайный характер и, естественно, не является выражением всеобщей человеческой природы. Там, где существует конфликт ценностей, правит случайность. Признавая тот факт, что в рамках различных сообществ осуществляются несоизмеримые ценности, Берлин не может поставить в привилегированное положение какую-то одну форму жизни. Таким образом, агональный характер берлиновского либерализма проявляется не только в признании конфликта ценностей, но и в признании того, что либеральное сообщество само по себе является формой приверженности, выживание которой в недружелюбном мире зависит от веры его участников и больше ни от чего.

Либерализм понимается Берлиным не как вопрос разума, но более и более как вопрос сердца, как чувство или как экзистенциальная проблема, как определенный способ нести себя в мире и в компании других. Область, где действует основная ценность либерального

мира, – рациональный выбор (rational choice), ограничена. Свобода не выводится из разума, рациональный стандарт не может быть критерием оценки. Недоверие разуму – русское качество в характере Берлина (И. Бродский). Именно недоверие к разуму объединяет Берлина и Шестова и их интеллектуальных героев Герцена, Паскаля, Макиавелли и Кьеркегора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 3–19.
2. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Берлин И. Рождение русской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html>
4. Герцен А.И. С того берега [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml
5. Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.
6. Грановская О.Л. Ценностный плюрализм Исайи Берлина // Ценности и смыслы. 2015. № 4. С. 90–100.
7. Громова Н. «...И я сам стал иным человеком». Неизвестные письма Льва Шестова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jXKXfHNydlc>
8. Поляков С. Лев Шестов: философия для не боящихся головокружения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm>
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
10. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/shestov/apof1.html>
11. Шестов Л.И. Великие кануны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865>
12. Шестов Л.И. Sola Fide. Только верою. Париж: YMCA-PRESS, 1966.
13. Шестов Л.И. Что такое русский большевизм? // Странник: Литература, искусство, полемика. 1991. Вып. 1. С. 36–58.
14. Шестов Л.И. Шекспир и его критик Брандес [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.

REFERENCES

1. Berlin, I., 2002. Evropeiskoye edinstvo i prevratnosti ego sud'by [European unity and the vicissitudes of its fate], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 3–19. (in Russ.)

2. Berlin, I., 2001. Molchanie v russkoi kul'ture [Silence in the Russian culture]. In: Berlin, I., 2001. *Istoriya svobody*. Rossiya. Moskva: Novoye literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

3. Berlin, I. Rozhdenie russkoi intelligentsii [The birth of Russian intelligentsia]. URL: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html> (in Russ.)

4. Herzen, A.I. S togo berega [From the other shore]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (in Russ.)

5. Granovskaya, O.L., 2014. Isaiya Berlin: britanskii liberalizm i russkaya filosofiya (dialog mirovozzrenii) [Isaiah Berlin: British liberalism and Russian philosophy (dialogue of worldviews)], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 51–59. (in Russ.)

6. Granovskaya, O.L., 2015. Tsennostnyi plyuralizm Isaii Berlina [Isaiah Berlin's value pluralism], *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 90–100. (in Russ.)

7. Gromova, N. «...I ya sam stal inym chelovekom». Neizvestnye pis'ma L'va Shestova [«... And I myself became a different person». Unknown

letters of Leo Shestov]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jKXXfHNydlc> (in Russ.)

8. Polyakov, S. Lev Shestov: filosofiya dlya ne boyashchikhsya golovokruzheniya [Leo Shestov: philosophy for those who are not afraid of dizziness.]. URL: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm> (in Russ.)

9. Rorty, R., 1996. Sluchainost', ironiya i solidarnost' [Contingency, irony and solidarity.]. Moskva: Russkoe fenomenologicheskoe obschestvo. (in Russ.)

10. Shestov, L.I. Apofeozy bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya) [Apotheosis of groundlessness (experience of antidogmatic thinking)]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/apofl.html> (in Russ.)

11. Shestov, L.I. Velikie kanuny [The great eves]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865> (in Russ.)

12. Shestov, L.I., 1966. Sola Fide. Tol'ko veroyu [By faith alone]. Paris: YMCA-PRESS. (in Russ.)

13. Shestov, L.I., 1991. Chto takoye russkiy bol'shevizm? [What is Russian Bolshevism?], *Strannik: Literatura, iskusstvo, polemika*, no. 1, pp. 36–58. (in Russ.)

14. Shestov, L.I. Shekspir i ego kritik Brandes [Shakespeare and his critic Brandes]. URL: https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html (in Russ.)

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.

И.В. Брылина*

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В статье анализируются изменения, которые произошли в понимании университетского образования в условиях коммерциализации, обосновывается влияние прагматистской и либеральной версий идеи университета на современные футурологические теории, рассматриваются футурологические концепции образования Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и К. Керра, проводится сравнительный анализ образов выпускника классического и современного университетов. Автор приходит к выводу, что XXI-й век в условиях рыночной конкуренции и коммерциализации отдал предпочтение прагматистской модели университетского образования, а сам университет превращен в дорогостоящий бизнес и заявляет о себе как об отрасли индустрии, проявляющей теснейшее взаимодействие с экономикой.

Ключевые слова: футурологический проект, университетское образование, идея университета, университет будущего, коммерциализация, гуманизация, прагматизм

University education in the context of commercialization: futurological discourse. IRINA V. BRYLINA (National Research Tomsk Polytechnic University)

The article analyzes the changes that occurred in the understanding of university education in the context of its commercialization. Focusing on the influence of utilitarian and liberal versions of the idea of university on modern futurological theories, the author examines the futurological concepts of education of D. Bell, A. Toffler, M. Castells and K. Kerr. It is concluded that in the XXIst century under the conditions of market competition and commercialization the preference is given to the pragmatic model of university education and the university itself turned into an expensive business, declaring itself as an industry branch that shows close interaction with economy.

Keywords: futurological project, university education, idea of university, university of the future, commercialization, humanization, pragmatism

Ведущие мировые исследователи сегодня озабочены судьбами современного университета. Филип Дж. Альтбах, задаваясь вопросом «Что такое “исследовательский” университет и как его создать?», замечает, что парадокс уни-

верситета мирового класса состоит в том, что «все хотят его иметь, но никто не знает, что это такое и как его получить» [20, р. 351]. Дж. Салми размышляет о путях создания университета мирового класса [27], Й. Виссема – о создании

* БРЫЛИНА Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: ibrylina@yandex.ru

© Брылина И.В., 2018

университета третьего поколения [30], Б. Ридингс – о том, каково место университета в обществе [26], С. Коллини – о том, зачем нужны университеты [11], Б. Кларк пишет о становлении предпринимательского университета, а Д. Бок – об университетах в условиях рынка [3]. Так что же происходит с университетом в условиях рынка? Какое будущее его ожидает? Задаваясь вопросом о сути эволюции университета, мы неизбежно должны ориентироваться на те изменения, которые произошли с обществом и человеком в XXI в.

В середине XX в. возникает ряд футурологических и прогностических концепций и проектов, в которых раскрывается роль образования и миссия университета в культуре будущего. Речь идет о концепциях Р. Дарендорфа, Дж.М. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Г. Маркузе, П. Дракера, Э. Тоффлера, З. Баумана, Д. Белла, К. Керра, М. Кастельса. Этими авторами феномен образования исследован в границах общества, называемого по-разному, – посткапиталистического, постиндустриального, супериндустриального, нового индустриального, «плюралистического индустриализма», технотронного, одномерного, «общества знания», индивидуализированного, сетевого общества и т. д.

Понимание изменений в образовании XX–XXI вв., дискурс о будущем университета можно проследить через сопоставление таких версий-моделей университетского образования, как либеральная и прагматистская. За какой версией будущее? Какая из них более адекватна надвигающимся реалиям XXI в.: коммодификации знания, коммерциализации образования, консьюмеризации общества?

Е.С. Ляхович и И.В. Захаров, характеризуя исторический опыт осмысления противоречия утилитарного и либерального образования, считают, что именно этот опыт «...дал современным зарубежным обществоведам одну из основных теоретических предпосылок, исходя из которой они начали создавать футурологические концепции общественного развития. Идея университета оказалась не просто тесно вплетенной в современные футурологические теории, но и предупредила их возникновение. Явившись источником вдохновения для тех, кого сейчас называют футурологами, идея университета стала составной частью созданных ими теорий. Одновременно в футурологию проникло и противостояние утилитарной и либеральной образовательных тенденций» [6, с. 203]. На этом опыте строятся футурологиче-

ские концепции образования Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и К. Керра.

Прогноз Д. Белла осуществлен в границах концепции постиндустриализма как той стадии цивилизации, основанием которой является принципиально новая субстанция – информация. В постиндустриальном обществе она является фактором, определяющим социокультурное бытие и материальные блага человека. Трансформируясь, информация имеет статус базиса инновационных технологий, определяет специфику среды обитания, формирует коммуникативные отношения. Д. Белл связывает информацию и теоретическое знание, а институту, обеспечивающему развитие подобного знания, отводит доминирующую роль в обществе. Д. Белл пишет о том, что «...фактически теоретическое знание во все возрастающей степени становится стратегическим ресурсом, осевым принципом общества. А университет, исследовательские организации и интеллектуальные институты, в которых теоретическое знание кодифицируется и обогащается, становятся осевыми структурами возникающего общества» [2, с. 16]. Решающая роль теоретического знания проявляется в понимании статуса и механизма инноваций, в осуществлении общественного контроля за изменениями, в прогнозировании будущего. Теоретическое знание и общественный институт образования определяют уже во второй половине XX в. доминирующее направление развития общества.

Д. Беллу принадлежит идея перехода в постиндустриальную эпоху от производства вещей к производству услуг. В этой ситуации, писал Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» (1976), университет превращен в доминирующую силу культурного мира, в особую «станцию социального обслуживания» [21, р. 147–148].

Постиндустриальное общество организовано вокруг знания для осуществления социального контроля и управления нововведениями и изменениями, что порождает те социальные отношения и структуры, которые требуют политического управления, и в этом роль университета и университетского образования трудно переоценить [2, с. 47]. Университет понимается Беллом как форма институционализации знания, как источник знания и порождаемых за счет него инноваций, а также формирования высококвалифицированных специалистов.

В ситуации, когда политические вопросы теснейшим образом переплетены с техниче-

скими, принятие решений ввиду сложнейших последствий этих решений, носит технический характер. Знание и техническая компетентность превращены в условие для входа в элиту, а базисом для подобного продвижения является образование. «Элита знающих» специфична: она ставит проблемы, инициирует эти проблемы, предлагает варианты экспертных решений, но это – лишь варианты решений, а не окончательное решение.

Д. Белл – сторонник либерального образования, которое делает человека свободным не потому, что ведет обучение посредством гуманитарных дисциплин, а потому, что оно предоставляет учащемуся возможность вольной трактовки сообщаемых ему фактов» [2, с. 14]. Оно создает новую элиту – «элиту знающих людей», условием для входа в которую становится образование.

Если Д. Белл, признавая главенствующую роль теоретического знания и информации, все же называет свою теорию теорией «постиндустриального общества», подчеркивая этим значимость индустриального фактора в жизни нового общества, то Э. Тоффлер формулирует теорию «супериндустриального» общества, которое является разновидностью постиндустриального общества и главным двигателем которого является технический прогресс. Основные идеи своей концепции общества будущего он излагает в работах «Шок будущего» (1970) [29] и «Третья волна» (1980) [28]. «Супериндустриальному» обществу соответствует теория супериндустриального образования: «Для создания супериндустриального образования мы должны, в первую очередь, выработать удачные альтернативные представления о будущем – представить себе, какие виды работ, профессий и склонностей будут нужны в будущем, лет через 20–50, какие формы приобретет семья и какие человеческие взаимоотношения будут превалировать; какие проблемы морально-этического плана могут возникнуть; какая техника будет нас окружать и с какими организационными структурами придется нам срабатываться. И только вырабатывая такие представления, определяя, обсуждая, систематизируя и непрерывно модернизируя их, мы можем прийти к заключению о характере когнитивных и эмоциональных навыков, которые понадобятся людям будущего для того, чтобы пережить ускоряющийся напор» [29, р. 436–437]. Поскольку в технологических системах завтрашнего дня на людей обрушится информационный поток, который обострит

способность проникать в суть вещей, то машины будут все быстрее выполнять рутинные задания, а люди – решать интеллектуальные и творческие задачи. Согласно Э. Тоффлеру, новому человеку понадобятся такие качества, как умение учиться, умение общаться, умение выбирать (в условиях сверхвыбора). Обобщив эти умения, можно сказать, что человеку будущего придется учиться меняться.

Однако, несмотря на культурный релятивизм и научную нейтральность новой эпохи, он считает, что образование останется верным риторике формирования характера обучаемого, но роль педагога будет состоять не в навязывании каркаса прошлых культурных и моральных устоев, а в поддержке обучаемого в формировании им собственного «жизненного ноу-хау» («знание жизни»). О механизме научения он пишет: «Нужно суметь заниматься и тем (обучением), и другим одновременно, передавая одно в условиях и обстановке, которые формируют другое» [29, р. 454].

Теорию, сходную с предшествующими, но более актуальную для рыночных условий, формирует и М. Кастельс, называя общество «информационным». Ключевой характеристикой такого общества является сетевая логика его базовой структуры. «Информационные технологии определяют картину настоящего и еще в большей мере будут определять картину будущего» [1, с. 135]. «Сетевое общество, по М. Кастельсу, есть продукт информационно-технологической парадигмы, сформировавшейся в конце XX в. и определившей стратегию развития современного общества» [12, с. 259]. Она привела к трансформации характера коммуникаций, которые стали сетевыми. «Специфика сетевой коммуникации проявляется в горизонтальном характере общения, в отсутствии иерархической структуры отношений между участниками коммуникации» [12, с. 261], которая предполагалась Д. Беллом. В отличие от него М. Кастельс говорит о снижении роли государства в жизни общества и повышении роли самостоятельного и свободного человека, осознании им своей ответственности за результаты профессиональной деятельности – производство инноваций. Такое соединение социального и профессионального аспектов сетевого общества является выявленной им социологической закономерностью, где одно невозможно без другого.

Он также анализирует историю создания самого инновационного фактора в развитии но-

вой экономики – кластерной модели взаимодействия университетов, бизнеса и государства на примере Силиконовой долины, приходя к выводу об эффективности и долгосрочности такой модели взаимодействия.

Сетевой формат коммуникации изменил и общественный уклад, и образ жизни человека. Ключевыми характеристиками человека сетевого общества стали свобода, страх быть исключенным из сетей и развитие способностей к работе и генерированию знаний. Поскольку свобода и постоянное самообразование становятся ключевыми ценностями сетевого общества, то М. Кастельс предвидит, что «нам потребуется новая педагогика, базирующаяся на интерактивности, персонализации и развитии независимых способностей к обучению и мышлению. И в то же самое время способствующая воспитанию характера и защите личности» [10, с. 208].

Идея сетевого общества была предвосхищена в проекте К. Керра [23] в 1963 г. Ее специфику автор раскрывает через концептуальную интерпретацию статуса университета в культуре будущего, называемой «плюралистическим индустриализмом», «индивидуализмом с человеческим лицом». К. Керр, автор идеи «мультиверситета», говорит об университете как социокультурном явлении. «Сегодня большой американский университет, – пишет К. Керр, – является скорее целой серией сообществ и областей деятельности, объединяемых воедино общим названием, общим управленческим персоналом и родственными целями. Эту великую трансформацию некоторые оплакивают, многие принимают, очень немногие пока празднуют, но понять ее должны все» (Цит. по: [14]).

В работах «О пользе университета» (1972), «Великая трансформация высшего образования в 1960–1980 гг.» (1991), «Трудные времена для американского высшего образования: 1990-е и последующие годы» (1994) и др. К. Керр пишет именно об организационно-структурном базисе университета: «Мультиверситет – это несовместимый институт. Это не одно, а несколько сообществ – сообщество студентов и сообщество аспирантов; сообщество гуманистов, сообщество социальных исследователей и сообщество ученых; сообщество администраторов... Как институт, он смотрит далеко в прошлое и далеко в будущее, и часто не согласен с настоящим. Он служит обществу почти рабски – обществу он также критикует, иногда безжалостно. Внутренняя несовместимость вовсе не мешает мультиверситету быть совместимым

с окружающим его обществом. Напротив, постоянная внутренняя борьба является залогом «стабильной свободы», ибо хотя у мультиверситета нет общей «души», у него есть единый руководящий его действиями идеал – все, что он делает, должно быть направлено на поиск истины. Цели уже даны: сохранение вечных истин, создание нового знания, улучшение обслуживания там, где истина и знание высшего порядка могут служить потребностям человека. Цели имеются: средства необходимо постоянно совершенствовать в конкурентном динамическом окружении» [23, р. 115].

Итак, постоянная борьба за конкурентные преимущества – залог «стабильной свободы», отсутствие общей «души», но существование единого, руководящего действиями мультиверситета идеала – все это реализуемо посредством совершенствования системы обслуживания того, что служит потребностям человека; только так возможно сохранение совершенного интеллектуального базиса университета, встроенного в контекст борьбы за конкурентные преимущества.

В «Задачах университета» К. Керр делает акцент на элементах множественности и разнообразия. В идее мультиверситета нашло отражение «поразительное многообразие форм деятельности, ныне осуществляющейся в крупных исследовательских университетах», отмечает С. Коллини [11, с. 25]. Потенциал же социальных перемен видится К. Керру, как и Д. Беллу, в сегменте элитарного, а не массового образования.

Противостояние двух подходов сохранится в университете и в будущем, приняв форму противоречия технократического (проявление утилитарного стиля мышления) и апокалиптического (основанного на чувстве гибели культуры из-за пренебрежительного отношения к гуманистическим ценностям прошлого) модусов. Д. Белл полагает, что конфронтация этих модусов превратится в университете будущего в центральную проблему [2, с. 19].

Как можно видеть из вышеописанных концепций многие исследователи университета, заглядывающие в его будущее, нащупывающие его новый образ, озабочены вопросом – не утратит ли он свой гуманистический смысл в прагматичную эпоху? Не превратится ли храм в супермаркет в условиях коммерциализации?

По мнению А.О. Карпова, «“товарная” концептуализация образования, ставшая калькой культурного понимания индустриальной эпохи, пытается элиминировать инструментальный и

либеральный подходы к образованию тем, что *как бы* устанавливает им место внутри себя» [9, с. 88]. Он считает, что с точки зрения дискурса целей образования наносимый ею удар абсолютно неотразим, поскольку товарная концептуализация образования имплицитно покрывает как индивидуальные, так и общественные блага [22, р. 79].

На наш взгляд, время отдаст предпочтение прагматистской модели. Университет XXI в. превращен в дорогостоящий бизнес и уже заявил о себе как о серьезнейшей отрасли индустрии, проявляя теснейшее взаимодействие с бизнесом и экономикой [24; 25]. В условиях тесной связи с бизнесом и коммерческой зависимости от него университету очень трудно отстаивать свою автономию, и она постепенно может утрачиваться. Что касается обучения, оно обретет ту специфику, которая порождена эпохой «капитализма знаний». Приведем размышления В.И. Красикова о прагматистском обосновании роли и функций университетского образования в обществе знания: «Знаниям в постиндустриальном обществе отводится такое же значение, какое занимали “капитальные фонды” в индустриальном; обучение – это инструмент, дающий человеку возможность накопить “фонд знаний”, подобно тому, как бизнес позволяет ему аккумулировать “капитальные фонды”. Чем больше человек учится, тем больший “фонд знаний” он приобретает. Скрытый подтекст обучения, таким образом, задает новую социальную структуру общества, в которой основные потребители знаний (те, кто больше накопил знаний) получают особые привилегии, имеют высокий доход и доступ к более эффективным средствам производства. Этот вид “капитализма знаний” определяет логику распределения рабочих мест и доходов. И, если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то сегодня ими оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новых интеллектуальных технологий. Традиционное обучение дает квалификацию, новое образование – метаквалификацию, т. е. методологическую и мировоззренческую систему навыков как основу усвоения и генерирования новых знаний» [13, с. 14].

Можно ли сегодня говорить о гуманистической направленности и настроенности приобретаемого на рынке образования? Способна ли коммерциализация университетского образования являться формой его гуманизации? Содер-

жит ли трансформация образования в рыночный сегмент гуманистический смысл и начало? Наконец, можно ли говорить о гуманизме самого процесса продажи образовательных услуг?

Для обозначения явления, обладающего рядом таких признаков, как ориентация образования на самореализацию обучаемого, приоритетный характер потребностей студента в условиях социального заказа, в научной литературе появился новый термин – «педагогический гуманизм». Характеризуя его как способ нового мышления об образовании как рынке услуг [19], Л.И. Ямпольская выстраивает следующую логику рассуждения. Образование утрачивает функцию производства человека, если ему оказываются только образовательные услуги. Меняется и характер ответственности (в условиях нового «педагогического гуманизма» снимается проблема создания формы, соответствующей определенной модели, образцу). Обучаемый берет на себя всю степень ответственности («Создай самого себя»). Это является проявлением гуманистической парадигмы образовательной системы ценностей. Сама выстроенная система образовательных услуг ответственна лишь за качество услуг и профессионализм их оказания, что говорит о трансформации требования «продавать производимое». Сегодня это требование тоже звучит по-новому – «производить то, что может быть продано», что представляет интерес для рынка.

Сохранит ли себя гуманизм университетского образования в условиях коммерциализации, когда студент утрачивает способность быть субъектом деятельности и превращен в объект оказания образовательной услуги, продукт образовательного производства?

Утвердительный ответ в ситуации рынка вряд ли возможен, поскольку рынок здесь интерпретирован как рынок образовательных программ, гуманизм же проявляет себя в постановке вопроса качества потребления. И все-таки выставленное на продажу и продаваемое образование сохраняет свою значимость и предназначение как форма гуманизации хотя бы в силу того, что процесс предполагает свободу выбора программ и траекторий обучения, при этом сам выбор определяется эффектом и эффективностью образовательной услуги. Эти эффекты и являются мощной предпосылкой адаптации университета к условиям рынка.

Другой предпосылкой адаптации университета является проникновение прагматизма в образование и его укоренение. Интеллектуальная, гуманистическая и образовательная функции

университета по-прежнему останутся характерными и актуальными для современного университета, но дополнятся прагматической функцией. Прагматизм, который прежде обнаруживал себя в стремлении воплотить научные знания в жизнь, материализовать их, сегодня дополнился рыночным контекстом, требующим производства товаров, услуг и их реализации. Нацеленность на проективный, предсказательный потенциал знания, создание новой «инновационной среды» в университете, реализация его предпринимательского потенциала, – все это говорит о сближении функций гуманизации и прагматизации университетского образования.

В этих предпосылках адаптации скрыт глубокий гуманистический смысл и подтекст рынка образования, а коммерциализация выступает здесь в качестве условия и формы гуманизации. Коммерциализация образования не должна стать тотальной. По мнению Д. Бока, у университета в условиях коммерциализации есть только два пути. «Пойти по более трудному пути – пытаться сдерживать коммерциализацию ограничительными мерами и следить за их соблюдением. Но есть и другой путь – приспособливаться к обстоятельствам, идти на компромиссы, находить им объяснение, одним словом, медленно сползая к таким практикам, которые могут исказить до неузнаваемости облик университетов, нанести непоправимый ущерб их образовательной и научной деятельности, их репутации» [3, с. 221]. Образовательная политика университета должна строиться на понимании смысла образования как гуманизации и индивидуализации, хотя и предполагает проявление рыночных образовательных возможностей.

Адаптивный потенциал современного университета (устойчивость в условиях изменчивости знания (смены форм, подходов, методов, истин, типов рациональности, его коммодификации), общества (прагматизации, коммерциализации, маркетизации) и человека (индивидуализации, консьюмеризации и коммодификации личности) проявился через разнообразие форм образовательных практик, расширение функций университета.

Конструируя образ общества будущего, футурологи обращают свой взгляд на концепцию нового человека. Каким видится образ человека будущего? Какие характеристики востребованы выпускником современного университета, а какие будут востребованы будущим?

В условиях рыночной конкуренции выпускник современного университета будет су-

щественно отличаться от выпускника «классического университета». Если выпускник «классического университета должен был овладеть квалификацией, то современный выпускник в условиях рыночной конкуренции должен будет овладевать «метаквалификацией» [13]: быть способным эффективно действовать как ученый, предприниматель, менеджер, инженер, делопроизводитель, программист, лингвист одновременно и, соответственно, обрести широкий круг профессиональных и личностных компетенций в процессе образования, связанных с ориентацией в условиях неопределенности, неустойчивости [4; 7; 15; 16]. Помимо профессиональных качеств, современный университет призван формировать и гуманитарно-духовное начало выпускника – предоставлять свободу выбора, формировать его личностную идентичность, соответствующую своему времени.

В сверхсложном мире перед лицом неопределенности, небезопасности, рисков и угроз, связанных в том числе с инновационностью развития, в обществе еще более актуализированной и востребованной станет концепция устойчивого безопасного развития. Именно университет будущего может стать гарантом безопасности, культивируя, помимо компетенций, связанных с проявлением свободы творчества человека (о которых шла речь выше), принципы социальной (гражданской) и личной ответственности, умение опережающего видения, проектирования и прогнозирования (предвидения, предупреждения, предостережения). Наиболее важным формированием этих компетенций станет для выпускников технических (инженерных), биомедицинских, военных, кибернетических и иных специальностей, связанных с повышенной рискогенностью новейших технологий и разработок. Напротив, передовой край современной науки нацелен на создание революционно-прорывных аддитивных технологий (природоподобных, энергосберегающих, ресурсоэффективных, безотходных), которые повысят устойчивость и понизят рискогенность общества. Многие исследователи полагают, что в повышении устойчивости и безопасности общества большую значимость приобретает расширение гуманитарной составляющей образования (в частности, прикладной этики) [8; 11], которая призвана «помирить» естественнонаучное и гуманитарное знание; интересы университета, бизнеса и государства; достичь баланса в вопросах коммерциализации результатов деятельности и интеллек-

туального поиска, который не будет ограничен только текущими социальными и экономическими (рыночными) задачами.

Глобальная роль университета в настоящем и будущем обеспечена его огромным адаптационным потенциалом, способностью при любых внешних социокультурных трансформациях отвечать и соответствовать как требованиям времени, так и личному заказу, формируя как компетентного специалиста, способного к производству нового знания, так и адаптивную, успешную личность, способную к саморазвитию и самоформированию на протяжении всей жизни.

Потому можно предположить, что университет будущего проявит свой адаптивный потенциал: для него, по-прежнему, будет актуальным и поиск нового знания, и его рыночная реализация, и адаптация человека к новым социокультурным реалиям. В силу того, что неопределенность влечет неконтролируемость, одной из ключевых экзистенциальных характеристик общества будущего и, соответственно, образования будущего станет стремление к поддержанию устойчивости и безопасности общества, что повлечет переход от модели университета предпринимательского (корпоративного) типа, формирующейся сегодня и базирующейся на стратегии конкуренции, к становлению новой модели университета «сетевого общества безопасного развития» [24], основанного на сочетании конкуренции и кооперации, о чем говорят исследователи [5; 17; 18], где ключевой компетенцией станет ответственность, которая, в свою очередь, невозможна без культуры личной ответственности, доверия и «заботы о себе».

Таким образом, университет будущего в организационном плане, вероятно, будет представлять собой сетевую структуру – сложное образование, в которое войдет множество совокупностей-сообществ, в своем единстве и целостности занимающееся процессами генерирования знания, созданием нового, а также формированием элиты – людей-творцов нового через конвергенцию естественнонаучного и гуманитарного знания.

В будущем университет проявит свой адаптивный потенциал и останется масштабным центром культуры и образования, который сможет играть значимую роль в сдерживании рынка посредством смены стратегии конкуренции стратегией конкуренции-сотрудничества, а университетское образование в контексте прагматизма продолжит поиск нового гуманизма и

по-прежнему будет воспроизводить человека, но это будет уже человек новой генерации.

Все вышеизложенное говорит о том, что трансформация социальной реальности влечет динамику ценностей университета, в рамках которой либералистская и прагматистская тенденции то сливаются, то сближаются, то отдаляются. Однако, несмотря на то, что в настоящее время возобладала прагматистская концепция, либеральная (гуманистическая) идея, меняя свои формы, никогда не утратит для университета своей актуальности и значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 133–140.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
3. Бок Д. Университет в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Брылина И.В. Организационная структура университета в условиях рыночной конкуренции: потенциал адаптации и риски // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 78–87.
5. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
6. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Новое тысячелетие, 1994.
7. Иванова И.В., Макарова В.А. Готовность подростка к саморазвитию и ее формирование в условиях дополнительного образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7. № 1. С. 54–60.
8. Калинина Н.А. Гуманизм как условие безопасного развития «глобального общества риска» // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 104–114.
9. Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85–96.
10. Кастельс М. Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
11. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

12. Концептуализация российского инженерного образования будущего: профессиональные и социокультурные основания / Под ред. И.Б. Ардашкина. Томск: STT, 2017.

13. Красиков В.И. Университетское образование в контексте традиций и реалии современного информационного общества // Классический университет в неклассическое время: Труды Томского государственного университета. Т. 269. Сер. Культурологическая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 13–15.

14. Лавриненко В.А. Об университете как центре науки, образования, культуры // Наука. Образование. Культура: материалы XXX студен. науч. конф. Чебоксары, 1996. С. 3–8.

15. Лебедева Н.В. Социальная и личностная идентичность взрослых в период обучения // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 1. С. 12–24.

16. Леонтьева Э.О., Садловская М.В. Основные подходы к пониманию учебных стратегий в социологии студенчества // Вестник ТОГУ. 2017. № 1. С. 165–170.

17. Саяпин В.О. Проблемы безопасного развития сетевого общества // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 27–39.

18. Урсул А.Д., Романович А.Л. Безопасность через устойчивое развитие // АНО «Центр междисциплинарных исследований» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/economy/bezopasnost-cherez-ustojchivoe-razvitie/>

19. Ямпольская Л.И. Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте. Томск: STT, 2014.

20. Altbach, P.G. and Salmi, J. eds., 2011. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. Washington: The World Bank.

21. Bell, D., 1976. The cultural contradictions of capitalism. New York.

22. Karpov, A.O., 2013. The commodification of education // Russian Education and Society, Vol. 55, no. 5. pp. 75–90.

23. Kerr, C., 1982. The uses of the university. Cambridge: Harvard University Press.

24. Petrova, G., Smokotin, V., Brylina, I., Kornienko, Al., Kornienko, An., Nikitina, Yu. and Kachalov, N., 2015. A comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 206, pp. 469–473.

25. Petrova, G.I., Brylina, I.V., Kulizhskaya, E.G. and Bogoryad, N.V., 2014. Corporate culture of contemporary research university in search of complementarity of humanitarian and commercial

principles in education (Russian context). Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 166, pp. 505–510.

26. Readings, B., 1996. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press.

27. Salmi, J., 2009. The challenge of establishing world-class universities. Washington: The World Bank.

28. Toffler, A., 1980. The third wave: the classic study of tomorrow. New York: Morrow.

29. Toffler, A., 1984. Future shock. New York: Bantam Books.

30. Wissema, J.G., 2009. Towards the third generation university: managing the university in transition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

REFERENCES

1. Abramov, R.N., 2002. Setevye struktury i formirovanie informatsionnogo obshchestva [Network structures and the formation of information society], Sotsiologicheskie issledovaniya, no. 3, pp. 133–140. (in Russ.)

2. Bell, D., 1999. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo [The coming of post-industrial society]. Moskva: Akademiya. (in Russ.)

3. Bok, D., 2012. Universitet v usloviyakh rynka. Kommertsializatsiya vysshego obrazovaniya [Universities in the market-place. The commercialization of higher education]. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki. (in Russ.)

4. Brylina, I.V., 2017. Organizatsionnaya struktura universiteta v usloviyakh rynochnoi konkurentsii: potentsial adaptatsii i riski [Organizational structure of the university in the conditions of the market competition: potential of adaptation and risks], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, no. 39, pp. 78–87. (in Russ.)

5. Budanov, V.G., 2009. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii [Methodology of synergetics in post-non-classical science and education]. Moskva: Izdatel'stvo LKI. (in Russ.)

6. Zakharov, I.V. and Lyahovich, E.S., 1994. Missiya universiteta v evropeiskoi kul'ture [Mission of the university in the European culture]. Moskva: Novoe tysyacheletie. (in Russ.)

7. Ivanova, I.V. and Makarova, V.A., 2018. Gotovnost' podrostka k samorazvitiyu i ee formirovanie v usloviyakh dopolnitelnogo obrazovaniya [Teenager's readiness for self-development and its formation in the context of additional education], Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii, Vol. 7, no. 1, pp. 54–60. (in Russ.)

8. Kalinina, N.A., 2013. Gumanizm kak uslovie bezopasnogo razvitiya «global'nogo obshchestva

riska» [Humanism as a condition for the safe development of the «global risk society»]. In: Innovatsii v nauke: sb. st. po mater. XXIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, pp. 104–114. (in Russ.)

9. Karpov, A.O., 2012. Kommodifikatsiya obrazovaniya v rakurse ego tselei, ontologii i logiki kul'turnogo dvizheniya [Commodification of education from the point of its purposes, ontology and logic of cultural movement], Voprosy filosofii, no. 10, pp. 85–96. (in Russ.)

10. Castells, M., 2004. Galaktika Internet: razmyshlenie ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet galaxy. Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russ.)

11. Kollini, S., 2016. Zachem nuzhny universitety? [Why do we need universities?]. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russ.)

12. Ardashkin, I.B. ed., 2017. Kontseptualizatsiya rossiiskogo inzhenernogo obrazovaniya budushchego: professional'nye i sotsiokul'turnye osnovaniya [Conceptualization of the Russian engineering education of the future: professional and sociocultural grounds]. Tomsk: STT. (in Russ.)

13. Krasikov, V.I. 2007. Universitetskoe obrazovanie v kontekste traditsiy i realii sovremennogo informatsionnogo obshchestva [University education in the context of traditions and a reality of modern information society]. In: Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 269. Ser. Kul'turologicheskaya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp.13–15. (in Russ.)

14. Lavrinenko, V.A., 1996. Ob universitete kak tsentre nauki, obrazovaniya, kul'tury [On the university as a center of science, education, culture]. In: Nauka. Obrazovanie. Kul'tura: materialy XXX studen. nauch. konf. Cheboksary, pp. 3–8. (in Russ.)

15. Lebedeva, N.V., 2015. Sotsial'naya i lichnostnaya identichnost' vzroslykh v period obucheniya [Social and personal identity of adults during training], Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya, no. 1, pp. 12–24. (in Russ.)

16. Leont'eva, E.O. and Sadlovskaya, M.V., 2017. Osnovnye podkhody k ponimaniyu uchebnykh strategii v sotsiologii studenchestva [Main approaches to understand learning strategies in students' sociology], Vestnik TOGU, no. 1, pp. 165–170. (in Russ.)

17. Sayapin, V.O., 2017. Problemy bezopasnogo razvitiya setevogo obshchestva [Problems of safe development of network society], Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, no. 9, pp. 27–39. (in Russ.)

18. Ursul, A.D. and Romanovich, A.L. Bezopasnost' cherez ustoichivoe razvitie [Security through sustainable development]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/bezopasnost-cherez-ustojchivoe-razvitie/> (in Russ.)

19. Yampol'skaya, L.I., 2014. Kontseptualizatsiya klassicheskoi «idei universiteta» v neklassicheskom variante [Conceptualization of the classical «idea of the university» in the non-classical version]. Tomsk: STT. (in Russ.)

20. Altbach, P.G. and Salmi, J. eds., 2011. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. Washington: The World Bank.

21. Bell, D., 1976. The cultural contradictions of capitalism. New York.

22. Karpov, A.O., 2013. The commodification of education // Russian Education and Society, Vol. 55, no. 5. pp. 75–90.

23. Kerr, C., 1982. The uses of the university. Cambridge: Harvard University Press.

24. Petrova, G., Smokotin, V., Brylina, I., Kornienko, Al., Kornienko, An., Nikitina, Yu. and Kachalov, N., 2015. A comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 206, pp. 469–473.

25. Petrova, G.I., Brylina, I.V., Kulizhskaya, E.G. and Bogoryad, N.V., 2014. Corporate culture of contemporary research university in search of complementarity of humanitarian and commercial principles in education (Russian context). Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 166, pp. 505–510.

26. Readings, B., 1996. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press.

27. Salmi, J., 2009. The challenge of establishing world-class universities. Washington: The World Bank.

28. Toffler, A., 1980. The third wave: the classic study of tomorrow. New York: Morrow.

29. Toffler, A., 1984. Future shock. New York: Bantam Books.

30. Wissema, J.G., 2009. Towards the third generation university: managing the university in transition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.